

Денис Ганин

ПРОЧЬ ИЗ ГОРОДА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Денис Ганин

Прочь из города

«Автор»

2020

Денис Ганин

Прочь из города / Денис Ганин — «Автор», 2020

Февраль-март 2021 года. В Москве холодная снежная зима. Алексей Ропотов - успешный менеджер по продажам, муж, отец двоих детей. В стране экономический кризис, фирма Алексея на грани банкротства. Горстка мятежников-патриотов совершает покушение на Президента. Стечение обстоятельств приводит к полномасштабной техногенной катастрофе. Москва погружается во мрак. Все системы жизнеобеспечения города одна за одной выходят из строя. На фоне активизации мятежников власть теряет рычаги управления. Чиновники и олигархи спешно покидают страну. Брошенные на произвол судьбы москвичи испытывают лишения. В городе начинаются пожары и грабежи. Алексею и другим героям книги приходится каждый день бороться за выживание. Но далеко не всем это удастся. Единственная спасительная идея - вырваться из города. Удастся ли сделать это Алексею, его родным и близким, и что, в конечном итоге, произойдет со страной, вы узнаете, прочитав книгу. Неужели всё описанное может обрести реальность? Содержит нецензурную брань.

© Денис Ганин, 2020

© Автор, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

37

Денис Ганин

Прочь из города

Пятый Ангел вылил чашу свою на престол зверя: и сделалось царство его мрачно, и они кусали языки свои от страдания...

(Откровение Иоанна Богослова, 16:10)

Вместо вступления

В тот год в Москве установилась очень холодная, снежная зима. Причем такой она стала только в самом начале февраля. Декабрь и январь были для всех уже привычно тёплыми, когда небольшое похолодание сменяла такая же непродолжительная оттепель, и всё вновь и вновь повторялось. Эта «европейская» мягкая зима давала москвичам, особенно молодежи, возможность пренебрегать тёплыми вещами, а также ощущение близости к зарубежной Европе, и, что удивительно, но люди уже немолодые, родившиеся и выросшие еще в СССР, вспоминали, что «вот раньше, в то ещё время, зима была как зима, не то, что сейчас».

Глубокие сугробы и высоченные кучи наспех собранного и совершенно не вывозившегося снега чрезвычайно затрудняли движение в городе, особенно автомобильное. И если на основных московских автомагистралях ещё убирали снег, хотя полполосы справа и столько же слева местами всё-таки были утрачены для движения, во дворах дело обстояло гораздо хуже. Дефицит парковочных мест, особенно проявлявшийся после восьми часов вечера, стал уже обыденным для горожан, спешащих с работы домой. Но вот заваливший дворные проезды и обочины снег вынудил многих просто-напросто отказаться от привычного им комфортного передвижения на личном авто, одеться потеплее и, кряхтя и проклиная пиковую толчею, а заодно с ней и московские власти, пересесть на и без того битком набитый общественный транспорт. Временно же брошенные своими хозяевами машины изо дня в день скрывались под всё новыми и новыми слоями падающего тяжёлыми хлопьями снега, теряя свои индивидуальные черты «хёндэ», «фордов» и прочих «мазд» и сливаясь с окружающим их безжизненным пейзажем. И только совсем немногие из этих машин продолжали заботливо чиститься их хозяевами, все ещё планирующими поездку в ближайшие выходные в супермаркет за недельным набором провизии, несмотря на то, что выехать из снежного плена такая, пусть и почти полностью очищенная машина, без помощи трактора или пары дворников уже не могла.

Бедные дворники, с ужасом наблюдавшие сменяющие друг друга и бьющие очередные рекорды снегопады, в первое время решительно ничего не делали, потому что по привычке и в отсутствии команды начальства ожидали, что снегопад вот-вот закончится, и снег сам собой растает; потом, когда уже начался аврал, они ничего не делали, вернее, делали, но из-за такого объема выпавшего снега результатов их работы не было даже заметно. И уже потом, когда новый снег перестал падать, а выпавший до него совершенно отказался таять, но, напротив, сбился, слежался, утрамбовался, превратившись в почти ледяную глыбу, их, спешно усиленными такими же, как они, узбеками и киргизами, непонятно откуда вдруг взявшимися в таком количестве в городе, бросили скалывать весь этот снег теми же примитивными приспособлениями, как и их бесполезно-надежные лопаты. Простой отрезок трубы с приваренным к одному из его концов топору – вот и всё приспособление. И не важно, что это адская работа – долбёжка, от которой после получаса поступательных движений перестают слушаться руки, и не важно, что результаты этой долбёжки прибавляют глубокие шрамы и сколы на асфальте и бордюрном камне. Главным было то, что льда и снега на дорогах становилось всё-таки меньше, что пройти и проехать стало легче, а поскользнуться и упасть – наоборот сложнее. И вечно ворчащие, и недовольные всем и засильем азиатов на улицах, в частности, москвичи, давно уже позабыв-

шие, каково это – самим махать лопатой и колоть лёд, по-доброму и даже с благодарностью нехотя искося поглядывали на этот жужжащий на чужом для их уха языке улей, когда каждое утро и вечер проходили они мимо вереницы дворников, поглубже укутываясь в свои шарфы и воротники и стараясь ненароком не помешать их однообразной, но столь нужной всем работе.

Несмотря на все предпринимаемые коммунальщиками усилия, горожанам уже стало очевидно, что Москва и, в первую очередь, столичные власти к этой зиме оказались не готовы, потому что с простой снегоуборочной лопатой, даже в руках трудолюбивого вчерашнего деханина ни с каким снегопадом не справиться, а городу позарез нужна техника, которой в нём в это время просто не оказалось, чтобы снег убрать, снег собрать и снег вывезти. Вот уж поистине, выпавший снег в Москве зимой: стихийное бедствие! Как, впрочем, и дождь летом. Вот и всё чаще утром работа в учреждениях и офисах и учеба в школах и вузах то и дело никак не думала начинаться из-за опозданий и разговоров, что кто-то где-то застрял, кто-то кого-то вытаскивал, кто-то что-то откапывал, а московского мэра со всей его армией «казнокрадов и бездельников» уже давно пора менять.

Пенсионеры, а правильнее сказать, те из них, кто после выхода на пенсию по состоянию здоровья уже не мог работать, а положились во всем на своих детей и внуков, просто не выходили зимой на улицу, боясь поскользнуться и неминуемо в таком случае сломать руку, ногу или, что хуже, шейку бедра, а, значит, обречь себя на страдания и денежные расходы, а в последнем случае – на медленное угасание и преждевременную смерть. Ведь уже много лет тротуары в Москве не посыпались обильно солью или песком, как это было раньше, – тогда, в прошлой жизни, то есть при советской власти.

Соль разъедала обувь, оставляя на ней белые, отвратительные на вид проявления, а песок был не в почете у коммунального начальства ввиду, наверное, его дешевизны: много-то с него в карман не положишь. Популярная в Европе мелкая гранитная крошка в Москве вообще не использовалась, вероятно, потому, что её, как это делается в европейских странах, нужно сначала разбрасывать, а потом, по весне, собирать и складировать до следующей зимы, что для наших начальников оказалось «уму непостижимо». Новомодные же химические реагенты, от которых так же, как и от соли, снег тает, но такого ущерба обуви не причиняет, попросту дороги, за их экономию главные коммунальщики получают премии, и плевать им по большому счету на москвичей и их поломанные ноги и руки!

Вот и получается, что большому снегу в тот февраль в Москве радовалась, пожалуй, только детвора. Громадины-кучи снега снова возродили из детской коллективной памяти захватывающие игры ещё советского периода: «Царь горы», «Крепость», катание с горок. И если раньше за неимением хороших ледянок в ход шли картонки, травмоопасные санки, школьные ранцы, а то и просто штаны и подошвы обуви, сейчас же самым популярным и относительно безопасным средством скатывания стала «ватрушка», называемая иначе – «плюшка», представляющая собой накачиваемую насосом резиновую воздушную камеру, вложенную в прочный и яркий разноцветный чехол с хорошо скользящей поверхностью.

Форма надувной «ватрушки» удивительным образом напоминала это любимое многими хлебобулочное изделие с той лишь разницей, что в роли открытой творожной начинки здесь выступал розовощекий карапуз неопределенного пола, располагающийся аккурат в срединном углублении «ватрушки», правда, до того самого момента, пока на крутом ухабе посреди спуска он не вылетит из своего ложа под дружный смех таких же румяных карапузов и охи и вздохи облегчения его и их родителей.

Шёл только начавшийся в очередном пьяном угаре и под грохот фейерверков первый год нового десятилетия. Москва представляла собой громадный муравейник из муравьёв-москвичей и бесконечным потоком всё прибывающих в него гостей столицы, так и норových под любым предлогом остаться здесь, превратившись в таких же муравьёв. И по мере того, как росло население столичного мегаполиса, пустела и вымирала остальная территория страны.

Все, кто хоть что-то хотел изменить в своей жизни к лучшему, добиться успеха, достатка, справедливости, кому осточертел вездесущий бардак и непроходимая безнадёга, кто стремился к элементарному порядку, да и просто мечтал вырваться из бесконечной черной полосы неудачи, словом, все те, кого категорически не устраивала окружающая их среда, – даже не пытался её изменить, приложив собственные усилия, но приходил к единственному для себя выходу: сменить эту среду на более комфортную, то есть уехать. Свалить. Убежать. «Хоть чучелом, хоть тушкой», но отсюда. И туда. Туда, где лучше, где светлее и теплее, где больше платят и зимой убирают снег, где есть садик, поликлиника, школа с бесплатными вкусными обедами, институт, нормальные дороги, фонари, Интернет... И бросив к чёртовой матери всё, что их годами окружало, чем жили они и с кем общались, окунались они в новый для себя мир, обрастали новыми вещами и связями. А потом через какое-то время с горечью осознали, что и здесь – на новом месте – всё то же самое, и нет для них никаких перспектив.

И снова переезжали они дальше и дальше. Пока не оказывались здесь, в Москве, на самом носу этой громадины «Титаника» площадью с одну восьмую суши, которая медленно, но верно уже погружалась своей кормой в холодные и крошечные пучины бескрайнего океана. И невдомёк им было, что нос этого «Титаника» также обречен, как и весь корабль, а дни их спокойной и размеренной жизни, увы, сочтены.

Пока же ничто в городе не предвещало беды. Хотя всё к ней и шло.

Глава I

В тот роковой февральский день было особенно холодно. Столбик термометра опустился ниже двадцати пяти градусов по Цельсию. В офис, где работал Алексей Ропотов, неторопливо шёл запыхавшийся народ. Рабочий день в офисе начинался в девять утра, но на часах уже было 09:20, а большая комната, где сидело обычно девять человек, была все ещё наполовину пуста.

Дверь распахнулась, и, матерясь на чем свет стоит, в комнату ввалился Кирсанов, с шумом отстукивая каблуками и отряхивая перчатками снег с куртки и шапки. Это был сорокапятилетний, неопрятного вида, поджарый и чуть лысоватый мужчина ростом под метр девяносто, с вечно висевшими на кончике его длинного носа очками. Зрение его было ещё вполне неплохим, но читать вблизи ему уже было трудно. Поэтому и пользовался очками он только когда что-то читал. Когда же Кирсанов разговаривал, он смотрел на собеседника поверх стекол своих очков, при этом у последнего всегда возникало ощущение, что очки вот-вот соскользнут и упадут. И в определенных ситуациях это давало Кирсанову некоторое, пусть и незначительное, но преимущество: его собеседник сосредотачивал своё внимание на очках, отвлекаясь от темы разговора. А в споре, да ещё и на повышенных тонах такая заминка иногда могла стоять победы оппоненту Дмитрия Николаевича. Впрочем, ни сам Кирсанов, ни тот, кто с ним спорил, даже и представить себе не могли, что вся штука именно в этих очках и есть.

– Ты что, Дим? – коротко спросил друга уже пришедший на работу Алексей.

– Да ничего... достали уже! – продолжая материться, ответил Кирсанов, – представляешь, пока в метро ехал, мне штраф прилетел на «Госуслуги» за неправильную парковку, так их мать! А я ведь ничего не нарушал! И всё это снег проклятый... Когда же, наконец, он растает-то?

– И причем же здесь снег, Дмитрий Николаевич? – спросила Кирсанова чуть громко Ольга, его молодая и незамужняя сослуживица.

– Ой, простите, Оленька, я тут наговорил всякого, – Кирсанов удивленно и неловко перевел взгляд на Ольгу. – Просто снегом завалило всю разметку, а проезжавшая штраф-машина сфотала моего «Мустанга», как будто он уже был за пределами бесплатки. Но я же отчетливо помню: в субботу, когда я его там оставлял, такого не было, чётко это помню, – не унимался он. – Да я обжалую этот штраф! Хрен они получают, а не мои кровные целковые!

«Мустангом» Кирсанов любовно называл свой старенький «Форд Фокус», у которого был пробит выскочившим из-под колеса камнем ржавый глушитель; денег на ремонт у Дмитрия Николаевича вечно не было, зато звук, издаваемый «Фокусом», стал практически такой же, как у его настоящего спортивного собрата, «Форда Мустанга».

– Да брось ты так возмущаться, – вставил Алексей, – подумаешь, трёшку заплатишь, пока действует половина, а на разборки с этими гнидами только нервы и кучу времени потеряешь. Я вон в прошлом месяце два таких же спорных штрафа оплатил: за своего «Соляриса» и за Ленкину «Паджеру», уже забыл про это и не парюсь.

– У вас с Леной, видно, деньги есть лишние, а мне вот да, жалко этим сволочам свою трудовую копейку отдавать, – продолжал Кирсанов.

– Знаешь, у нас они тоже не лишние. Только я уже напрыгался с этими жалобами. По мне главное: чтобы тачку не эвакуировали, вот это действительно будет геморрой, и денег в разы больше! – продолжал парировать ему Алексей. – Твой «Форд» хоть и старый, зато симкой не оборудован. Вот мой «Солярис», когда я его в прошлом году новым в кредит брал, уже по этому закону с джиэсэм-картой продавался. Так она же сама, эта симка, на меня теперь и стучит: штрафы автоматом с зарплатной карты списываются: и за скорость, и за разметку. И камеры этой сволочи уже не нужны. Всё, засада полная! Так что радуйся, дружище... пока.

– Радуюсь, радуюсь... Только и делаю, что радуюсь. Особенно, когда мне надо внутрь Садового кольца попасть. Туда-то на моём «Мустанге» путь заказан. С начала прошлого года с «Евро-3» если туда заедешь, первая же камера тебе 500 рэ штрафа пришлёт. Вот я и радуюсь с тех пор: машина вроде у меня есть, и как бы у меня её нет. Здесь ездят, здесь не ездят. Зашибись!

– А ты на каршеринг переходи, – засмеялся Алексей. – На их машинах уже новые двигатели стоят, не ниже «Евро-4».

– Смейся, смейся, – обиженно возразил ему Кирсанов. – Посмотрю я на тебя, когда в Москву будут разрешать только на электрокарах заезжать. А ведь всё к тому и идёт.

– Коллеги, а что вы их, парковщиков и власти московские так ненавидите? – снова вмешалась в разговор двух приятелей Ольга. Я вот, например, до работы добираюсь на метро и пешком хожу, ножками. Как по мне, так эта платная парковка порядок хоть в городе навела: и припарковаться сейчас можно в центре днём, и на такси по выделенке, если вдруг приспичит, быстро добраться. А благодаря этим новым экологическим ограничениям в центре города теперь и воздух другой. А вообще советую вам: бросайте вы эти свои тачки и айда с простым народом на метро.

Комната в ту же секунду наполнилась задорным смехом этой молодой и беспечной женщины.

Алексей и Дмитрий, слегка поморщившись, на этот раз ничего не стали возражать, при этом каждый из них вспомнил свою историю знакомства с Ольгой, когда она, ещё вчерашняя скромная студентка, пришла четыре года назад устраиваться на работу в офис их фирмы. История Алексея была, пожалуй, пикантнее. Но об этом позже.

Ольга была женщиной, что называется, в самом соку; симпатичная, среднего роста, нормального телосложения, с короткими тёмными волосами и карими глазами. Но в этих самых глазах, широко раскрытых и окантованных длинными ресницами, как будто жил какой-то чёртик, который то и дело заводил и будоражил хорошо знавших Ольгу мужчин, как бы предлагая им поиграть в опасные игры-глядделки, но вот женщин, особенно тех, что были старше её по возрасту, он напротив заставлял нервничать, проявлять необъяснимое даже им самим беспокойство, будто Ольга и есть та самая роковая брюнетка, чьё появление способно вдребезги разбить их сложившуюся размеренную жизнь, и которая именно у них легко при желании отобьёт их единственного драгоценного мужчину. Отсюда-то и проистекали все проблемы Ольги в общении с коллегами-женщинами. Только давно уже немолодая Надежда Викентьевна, старейший сотрудник отдела Алексея, много лет назад потерявшая семью и надежду обрести

её вновь, единственная из всего женского коллектива фирмы по-доброму, даже по-матерински относилась к Ольге. Во всех производственных и житейских спорах Арпенина – так была фамилия Надежды Викентьевны – неизменно занимала сторону своей подопечной. Мало того, периодически подкармливала её и давала по-настоящему ценные советы. Только с Надеждой Викентьевой и была откровенна в рабочее время Ольга.

– Оленька, подойдите, пожалуйста, посмотрите, что тут у меня есть для Вас, – украдкой подозвала Арпенина Ольгу.

– Да-да, Надежда Викентьевна, – отозвалась Ольга, – уже иду.

Крупное спелое розовое с зеленым яблоко неожиданно появилось из большой, выдавшей виды кожаной сумки Арпениной. На лице Надежды Викентьевны проступила легко уловимая торжествующая улыбка:

– Угощайтесь, Оленька!

– Ну, зачем Вы, ей Богу? – воскликнула Оля, округляя свои и без того большие красивые глаза, – Вы меня просто балуете, Надеждочка Викентьевна... Ой, какое яблочко! – при близком знакомстве с яблоком лицо Ольги вдруг озарила неподдельная широкая улыбка, белые её ровные зубы показались, что называется, в полный рост.

– Спасибо! – слегка облизнув свои тонкие губки, Ольга с громким хрустом стала откусывать у яблока один за другим большие и сочные куски, попеременно морща глаза одновременно и от удовольствия, и от гримасы, и от наполняющей рот кислоты.

Эти звуки вызвали лёгкое оживление в комнате. Алексей и Дмитрий невольно оторвали свои глаза: один от экрана монитора, другой – от смартфона. Бросив короткий взгляд на Ольгу, Кирсанов ухмыльнулся, а Алексей даже при этом фыркнул: не то от удовольствия лицемерия красивой женщины в её природном естестве, не то – от нахлынувших на него, ещё не успевших уснуть воспоминаний.

– Приятного аппетита! – торжествующе произнесла Арпенина, – и зачем Вы так с ними спорите, Оленька? С мужчинами лучше всегда соглашаться, а делать – всё равно по-своему, уж поверьте моему опыту, – уже чуть слышно и, немного наклоняясь в сторону Ольги, закончила она.

Прошло почти два часа. В офисе уже собрались все сотрудники фирмы, не доставало лишь заболевшей ещё на прошлой неделе Марьясовой и ушедшего с понедельника в отпуск по семейным обстоятельствам Сидоренко. Все обитатели комнаты работали в двух отделах фирмы: отделе продаж, возглавлял который Алексей, он же Алексей Евгеньевич Ропотов, и отделе закупок, начальником которого был его друг, Дмитрий Николаевич Кирсанов. Бухгалтерия, остальные специалисты и руководство фирмы: генеральный директор и основной её владелец Кольцов Михаил Андреевич, а также его заместитель Николай Павлович Авдеев, у которого был небольшой пакет долей фирмы, располагались в других комнатах офиса, который в этом здании уже шесть лет арендовала фирма Кольцова. Что же до бизнеса, которым она занималась, – это была торговля климатическим оборудованием, в основном, промышленными вентиляторами и кондиционерами. Дела у фирмы последнее время, прямо говоря, были неважными.

Глава II

Алексею было четырнадцать лет, когда он впервые столкнулся лицом к лицу с бедой. Мама Алексея, Светлана Георгиевна Ропотова, в девичестве Полетаева, внезапно заболела и вскоре умерла. Отец же его, Евгений Владимирович, помаялся вдовцом с годик, помаялся, да и женился повторно. Вот только общего языка Алексей со своей мачехой так и не нашёл. Молодая властная женщина, грубая и бестактная – ни в какое сравнение не шла она с мамой Алёши – сразу невзлюбила пасынка.

А что отец? Новая супруга быстро заменила ему все прежние радости, сняла с него все печали, все заботы, в том числе и о внезапно осиротевшем сыне. Были у мачехи ещё две дочери от прежнего брака, но они хоть и были моложе мальчика, в своём отношении к нему повторяли свою мать.

Вот так холод, безутешность и гнетущее одиночество воцарились в душе Алёши. Иногда залезет он, всеми ругаемый и гонимый, в платяной шкаф, накроется с головой материнным ещё платком, и давай из себя слезу гнать. Да вот только одна слеза скупая и выходит. Вроде и хочется маме пожаловаться, припасть, поплакать ей в коленки, пересказать все обиды, обнять покрепче и так долго-долго не отпускать, а образ её никак предстать перед Алёшей не может, как будто и не было её у него вовсе. Посидит-посидит так, да и выйдет из своего прибежища. А куда деваться-то?

Прошли годы взросления и учёбы Алексея. Возмужал и пообтёрся он об острые грани непростой жизни. Закончил школу, сам поступил в институт. Благо, упорством и усердием вдоволь наделила его покойница-мать. Скоро в его жизнь вошла и она: Лена.

Как-то в перерыве между парами подседа к нему в институтской столовой девочка одна, робкая вся, скромная, лицо в прыщиках. Спросила разрешения, он кивнул. Алексей в тот день один в столовку заскочил, товарищи его уже перекусили и на пару следующую побежали, а он перед этим реферат распечатывал и на кафедру бегал его сдавать, вот и задержался.

Смотрит Алексей украдкой на девушку эту, а она его в упор не замечает, вся в книгу ушла. Так и сидит: в одной руке книжку держит, другой бутерброд в рот пихает, читает и давится.

«Где же я её раньше-то видел? Хоть убей, не помню!», – думает, вспоминает Алёша. И чем дальше думает, тем больше нравится она ему. Осмелел совсем, да и компот ей свой предложил: бутерброд запить. Тут только и обратила девушка на него внимание. А как встретились взгляды их, один с другим, как пробежала между ними искорка, так и возникло с того самого момента чувство сильное, новое. И для него, и для неё тоже.

Стали Алексей с Леной встречаться. Да так увлеклись друг другом, что ни дня врозь находиться не могли. Даже за ручку ходить стали, уже никого не стеснясь. Лена тогда с родителями своими жила в Люблино, они научными работниками были. Папа её лабораторией заведовал в одном НИИ химическом, а мама – в техническом вузе преподавала. Полюбили они тогда Алексея, как сына своего, радовались каждому его приходу в их дом. Да и он рад бывать у них почаще: дом-то отчий так и стал ему чужим с тех самых пор, как мать умерла.

Лена училась на два курса младше Алексея, к тому же на другом факультете и в другом здании института, а в основное здание, где проходила его учеба, навещалась нечасто. Вот в один такой день и пересеклись их пути-дороги.

Через полтора года знакомства с Алексеем Лена забеременела и доучивалась, уже будучи в положении. Роды проходили тяжело и долго. Виной всему узкий таз Лены, а ребёнок-то крупный получился. Потеряла она много крови, но с акушером повезло. Доктор добрых пять часов бился за Лену и её первенца, и, в конце концов, его труды были вознаграждены: на свет появился новый Ропотов, а молодые родители обрели новые смыслы, как, впрочем, и новые заботы.

Глава III

Серёгин сидел на заднем сидении большого чёрного лимузина. Впереди, на пассажирском месте восседал полковник президентской охраны Нечипоренко, периодически обращающийся с чем-то к водителю. Что он ему говорил, и какие получал ответы, слышно не было, да и Серёгину это было неинтересно. Он не прислушивался к разговорам, полностью будучи погруженным в свои мысли.

Слева от Серёгина, вооружившись планшетом, расположился молодой Юсупов. Тот постоянно тряс правой ногой и тем самым медленно выводил Серёгина из себя. Серёгин попытался отвлечься от ноги Юсупова, вспоминая вчерашний вечер. Вчера поздно по телевизору показывали «Жестокий романс», и Серёгин смотрел фильм до конца, хорошо зная при этом, чем тот закончится.

Юсупов, уходя вчера вечером от Серёгина, просил того выспаться как следует, но Серёгин проигнорировал эту его просьбу. Ему ещё нужно было выучить отдельные фразы на завтра и последние цифры, переданные из Экспертного управления, и это он худо-бедно вчера успел сделать, в основном, когда фильм прерывала реклама. Сейчас же ему нужно было только всё вспомнить и мысленно повторить.

«У нас сохраняются темпы роста ВВП в пределах одного и двух десятых процента... Объём золотовалютных резервов Центрального банка благодаря бюджетному правилу вырос на шесть с половиной миллиардов долларов с начала года и продолжает расти... Рост реальных доходов населения, по данным Росстата, составил за прошедший год пять целых и три десятых процента... Размер отцовского капитала мы увеличили с первого декабря прошлого года на девять тысяч рублей, а пособие в связи с рождением третьего ребенка в семье – на четыре тысячи... Размер подоходного налога с первого мая будет снижен с восемнадцати до шестнадцати с половиной процентов... шкала по-прежнему останется плоской... от этого завоевания мы не будем отказываться... Введенный в начале прошлого года НДС при покупке иностранной валюты будет уменьшен уже со следующего года на три процента... При этом наши граждане, выезжающие за границу на отдых, в командировку или по приглашению, как и прежде, будут освобождаться от уплаты НДС в пределах суммы, не превышающей тридцати тысяч рублей, разумеется, при наличии у них ранее приобретенных билетов, которые вместе с билетами или посадочными талонами необходимо направить в налоговую инспекцию по месту жительства... это также можно сделать теперь и через многофункциональные центры и ставший таким популярным портал «Госуслуги»... В прошлом году страна окончательно вышла из затянувшегося экономического кризиса и готова, ответственно это вам заявляю, к энергичному рывку, к реальному прорыву... Правительство ежемесячно отчитывается мне по всем майским и теперь уже новым сентябрьским указам Президента, и я, так же, как и все вы, вижу здесь неоспоримые успехи...», – перебирал в голове Серёгин.

«Робинзон, Робинзон... Вот для таких случаев-то, господа, Робинзоны и нужны...», – перед глазами Серёгина неожиданно возник уса́тый Сергей Сергеевич Паратов в исполнении всеми любимого народного артиста.

«Вот и я такой вот Робинзон!.. Как гадко... Неужели ничего большего я не достоин? А как же так и несыгранная роль Гамлета?», – перебил он свои стройные, заученные фразы из предстоящего доклада.

«Робинзон – вот кто я, вот мне имя... вот моя роль!», – Серёгин в этот момент поморщился и негромко выругался.

– Что с тобой? Не выспался, что ли? – повернулся к нему Юсупов.

– Так, ничего... нормально всё, – многозначительно ответил Серёгин, отвернулся в своё окно и громко и протяжно вздохнул-выдохнул.

– Не забудь, послезавтра ещё у нас с тобой съёмки в первой студии. У тебя по очереди будут четыре губера, один из них: новый, только что назначенный тобой. Говорить почти ничего не надо будет. В сюжеты только картинки попадут, на две недели разбросают потом. Так что будешь только сидеть, проникновенно на них смотреть, как ты умеешь, и кивать... Да, галстуки только поменяют тебе.

– Да... Помню, – не поворачиваясь к Юсупову, промолвил Серёгин.

«Вот козёл... Господи, хорошо, что они меня ещё в прорубь не заставляют окуна́ться с моим-то ревматизмом или летать на истребителе за журавлями», – сумбурные мысли не остав-

ляли Серёгина в покое. Ему было как-то тревожно с самого пробуждения сегодня утром. Что-то явно тяготило его, но что – он понять не мог.

Кто там окунался в прорубь, и кого показывали в кабине истребителя, а ещё за рулем КАМАЗа и на дельтаплане, кто восхищал всех своим знанием иностранных языков, носился по ночному льду с клюшкой и играл на пианино – Серёгин точно не знал, но то, что это был кто-то ещё из таких же, как он, двойников Президента, ему как-то проговорился Юсупов. Пойди проверь! Юсупов был специально прикреплен к Серёгину и всегда на всех мероприятиях сопровождал его. Но на публичных встречах Юсупова никогда не было видно рядом с Серёгиным. Строгих, сосредоточенных на мелочах офицеров охраны в чёрных костюмах со скрученными в спираль проводами из-за уха – да, а Юсупова – никогда. Хотя его присутствие и ощущалось Серёгиным постоянно.

Во время таких встреч с народом Юсупов говорил с ним по дистанционной связи через передатчик, который Серёгину вшили под кожу в самом начале ушного слухового отверстия три года назад, когда брали на работу в Кремль. Помимо заученных Серёгиным докладов, цифр и фраз, ему ещё приходилось почти всегда отвечать на вопросы, вести живую беседу с аудиторией. Но не все из вопросов были заранее согласованы с Администрацией. Случались неожиданности. Вот на такие-то вопросы и отвечал Юсупов, а Серёгин только повторял его слова, послушно повинувшись голосу в ухе.

Он служил когда-то актёром в одном провинциальном театре, перебиваясь от серьезных драматических, но вечно второстепенных ролей к заказным корпоративам. Внешность его была невзрачной, а голос слишком тихим – вот главные роли и обходили его стороной. «Серая моль» – так тогда звали его коллеги между собой. Ну, и кто теперь моль? Знали бы они, кто он теперь и где.

Потом уже, когда выбрали нового Президента, ему стали всё чаще говорить, что он очень похож на Него. Сначала Серёгин не обращал на это внимания, посмеивался. Потом, когда говорить стали чаще, его это заинтересовало. Он начал втайне копировать Его. На корпоративах, где Серёгин стал участвовать по велению времени, ему теперь отводили короткие, но очень заметные роли нового Президента. Всех тогда очень забавляли его хлёсткие, уже успевшие запомниться по теленовостям фразы. И постепенно ему стало доставлять удовольствие это пародирование. Ему оно явно нравилось. Хотя практической пользы, кроме небольших дополнительных денег, и не приносило. Напротив, даже разочарование: там, на сцене, он был всемогущим властителем, упивающимся своим положением и всеобщим вниманием к своей персоне, а за её пределами, то есть почти всегда, – обычным гражданином, со своими обыденными проблемами и уже извечными вопросами: что он и его семья завтра будут есть, когда ему заплатят за выступление, и удастся ли ему сделать очередной платёж по кредиту.

Позже, когда новых ролей в театре почти не стало, а корпоративы сошли на нет по причине повсеместного кризиса, Серёгину пришлось туго. Денег на погашение взятой когда-то ипотеки и на учебу сына в местном вузе стало не хватать, давать ему в долг уже никто не мог: ни у кого свободных денег просто не было, ведь почти все вокруг него жили от зарплаты до зарплаты, а те немногие, у кого деньги ещё водились, отказывали, памятуя, видно, о том, как «в прошлом друзья», а то и даже «в прошлом родственники» кидали их, не возвращая долг и ссылаясь, как это принято, на обстоятельства непреодолимой силы.

И вдруг однажды Серёгина заметили. Там. В Кремле. И предложили работу. И это стало для него настоящим спасением. Прямо-таки выходом. Решением всех проблем. По крайней мере, так ему казалось тогда.

Он быстро уволился из театра и переехал с семьей в Москву. Там официально устроился в какую-то подставную фирму по проведению массовых мероприятий, с постоянными длительными командировками. Ему сделали пару несерьезных косметических операций: подправили нос, уши, вживили передатчик, удалили на голове лишние волосы. От новой работы дали

просторное служебное жильё в центре и машину с водителем-охранником. Ипотеку он погасил досрочно, квартиру в своём городе продал. Жену – такого же, как и он, служителя Мельпомены, долго уговаривать на переезд не пришлось. У неё с ролями в их захолустье было ещё хуже. В Москве же ей вообще не пришлось работать. Шопинг и регулярные походы в салоны красоты заменили ей абсолютно всё; голову у жены от вдруг свалившихся на них денег снесло напрочь. Сын перевёлся в московский универ, затусил и кайфовал от этого, превращаясь в такого же прожигателя жизни, как и его мать, постепенно утрачивая цели и смыслы. Своим же престарелым родителям, наотрез отказавшимся от переезда, Серёгины просто перечисляли деньги. В общем, все были довольны. Кроме, пожалуй, неё... – его совести. Но не сразу.

Совесть стала мучить Серёгина где-то через год после переезда в Москву и получения новой, а по сути старой роли, теперь уже ставшей единственной и последней для него. Ведь он начал новую жизнь, образно выражаясь, смыв прежнюю в унитаз. Оборвал все связи с друзьями, перестал общаться с бывшими коллегами, сменил номер телефона. Новых же друзей не обрёл. Вообще. Да и откуда? Весь его новый круг общения состоял из служивых карьеристов, у которых не то, что ничего за душой, и души-то самой не было. Или она была спрятана у них где-то очень глубоко, так глубоко, что они и сами позабыли, где.

Расслабиться с этими людьми было нельзя, даже просто выпить за компанию, поговорить по душам. Какое-то постоянное дикое напряжение стало незримым спутником его новой жизни. Только и жди подвоха. Все вокруг друг на друга стучат, всюду установлены жучки и скрытые камеры. Расслабиться Серёгин не мог даже в своей жилой-рабочей комнате в кремлевском корпусе, даже в душе и туалете. То же самое было и дома, в семье, где он изредка появлялся, чтобы у домашних не возникало никаких подозрений на счёт его новой работы. Даже в квартире могли быть установлены скрытые технические устройства: доподлинно Серёгин этого не знал.

Общение с женой и сыном у него не складывалось. Каждый в их семье жил своей новой жизнью. С женой почти не было секса, как, впрочем, не стало и ссор, и скандалов, отнимавших раньше столько сил и нервов у обоих; сына своего он почти не видел. Но самое ужасное было то его нестерпимое и подавляющее всё чувство, что он всех обманывал, притворялся, играл другого, и публика принимала его за этого другого. По-настоящему принимала. Взаправду.

Там, на корпоративах, все прекрасно понимали, что он – актёр, и аплодировали ему за то, что он хорошо играл свою роль. Здесь же хлопали не ему, а Ему. А он был никем, человеком без лица. Своего. У него теперь навсегда стало чужое лицо, Его лицо. И даже когда он смывал грим, чувство намертво приклеенной маски ни на минуту не покидало Серёгина.

«Продался за деньги, душу дьяволу продал, а счастье где?» – корил он себя в часы одиночества. И никакие оправдания: что так надо, так удобно всем, так нужно Родине, семье – не помогали ему. Он сам, без какого бы то ни было принуждения, без внешнего воздействия, по собственной воле уничтожил в себе личность, свою уникальность и неповторимость, своё Я. Стал вечной тенью другого. Его тенью. А Он ведь даже ни разу не удостоил его своим вниманием, ни разу не встретился с ним, не поговорил, ни пожал руки. Да и знал ли Он вообще о существовании его, Серёгина, последнему было не известно. Должен был знать, а может, и нет. И есть ли Он вообще? Может, и нет Его вовсе? Может, Он – это они, такие же, как Серёгин, Его двойники? А может, Его и не было никогда? Но кто же тогда руководит страной? Кто принимает важнейшие для судьбы страны и народа решения, важнейшие для всего мира? Неужели Юсупов и такие же серые и бездушные референты, люди-функции, люди-должности? Эти мысли не давали Серёгину покоя уже почти два года. И от них становилось ему только хуже и хуже.

Они подъезжали к очередному месту проведения встречи с очередным коллективом очередного крупного из, увы, уже немногочисленных московских производственных предприятий. А ведь когда-то Москва считалась индустриальным центром огромной страны, столицей

победившего пролетариата-гегемона, всесоюзной кузницей. Но это всё в далеком прошлом, оболганном, оплётанном, преданном не раз. Сейчас же в бывших корпусах некогда заводов и фабрик на крутящихся креслах раскачивались взад-вперёд офисные клерки и менеджеры, беспрестанно сновали они из кабинета в кабинет, долбили пальцами по клавиатуре и перекладывали бумагу из одной стопки в другую. Ещё часть бывших корпусов превратилась в склады, другие были разрушены, а часть – и вовсе опустела после того, как была покинута их последними обитателями: сотрудниками обанкротившихся частных фирм.

И все эти бизнес-центры охраняла целая толпа сторожей: здоровых, в полном расцвете сил мужиков, намертво приросших к своим протёртым до дыр и затёртым до грязи стульям на вахте, мужиков, когда-то рожденных их матерями для больших и созидательных дел, но, увы, реализовавшихся, в отсутствии нормальной мужской работы, исключительно как пустоцветы на ветке. А была ли в том их вина?

Возможно, кто-то скажет: ну, да, ведь они же, ещё школьниками, просиживали вечерами на скамейках во дворах своих домов с пивом в руке, ржали под окнами, как умалишённые, и орали благим, да и просто матом. Где же тут стремление к учёбе, к достижениям, к целям? Кто из них мечтал о золотой медали, об институте, а потом и о карьере, большой зарплате? Да Бог с ним, с институтом! Кто из них хотя бы хотел получить хорошую рабочую специальность, поступить в техникум, освоить сложное оборудование, стать настоящим мастером, опять-таки, получать большую зарплату?

Кто-то возразит: а что вы хотите? Государственная система подготовки специалистов, система мотивации и страха перед общественным осуждением, которая была в СССР, в одночасье рухнула вместе с самим СССР, а родители этих школьников под натиском проблем и соблазнов просто не справились с задачей их воспитания. Школа же, ведомая новыми идеологиями «от науки», сознательно отказалась от воспитания, сосредоточившись исключительно на упрощенном до тестов образовании как государственной услуге. Старых же учителей, приверженцев прежнего подхода к ученику и к знаниям, к широкому кругозору и критическому анализу, новая школа или исторгла из себя или подвергла жесточайшей переплавке.

Да и кто все эти сторожа и охранники, если разобраться? Почти все они приехали в Москву из близлежащих регионов: Иваново, Орёл, Курск, Брянск. Москвичей или подмосковичей среди сторожей почти уже и нет. Приезжают в Москву такие гости столицы, как на вахту, на перекладных, за копейки снимают койки в дешёвых ночлежках-хостелах где-нибудь в Мытищах или Люберцах, отработывают пару месяцев и с деньгами – домой на несколько дней. А после: обратно на заработки в Первопрестольную. И зачем всё это, спрашивается им? Ни жизни нормальной, ни семьи. Да, просто, дома, в их регионе работы нет, а если и найдется, то платят за неё столько, что ни на что не хватает. То ли дело московские зарплаты. Пусть москвичам они и покажутся маленькими, но для курян или орловчан это деньги. Кормить же детей как-то надо.

Итак, впереди растянувшейся на километр вереницы машин ехал гаишный кортеж из нескольких автомобилей, за ними – пара бронированных внедорожников охраны, позади же величественного, отечественного производства, президентского лимузина шёл автомобиль радиоэлектронной защиты, мощная установка в котором подавляла всякие сигналы открыто распространявшейся связи. За последним следовали ещё две машины охраны, микроавтобус с придворными фотографами-операторами и подставными рабочими для первого ряда и пара замыкающих колонну гаишных «фордов».

Машиностроительный завод «Универсал» на севере столицы, который должен был посетить в тот день Серёгин, пока ещё относился к военно-промышленному комплексу страны и выпускал сложное уникальное оборудование для армии и авиации. На площадке у въезда на территорию завода толпились люди, видимо, работники этого завода. Одежда и лица их были

серы, улыбок на лицах не было. Снег, подгоняемый ветром, больно колотил открытые части тела, заставляя людей щурить глаза, глубже прятать головы в куртки, шапки и капюшоны.

Разогревая себя легкими постукиваниями и притопыванием, стояли они так с девяти утра, как и было велено их начальством, а Президента всё не было и не было. Время тянулось медленно, на часах было уже чуть за десять, но из-за закрывавших небо каких-то грязных и грозных туч казалось, что уже наступил вечер, и Москву вот-вот опять поглотит неласковая, звенящая холодом и полная завтрашней неопределенности ночь.

Вот, наконец, и Он! После того, как перед раскрывшимися воротами, ведущими на территорию завода, развернулись и остановились чуть поодаль полицейские машины, а внутрь проследовали сначала одна, потом другая машины охраны, рольставень ворот неожиданно для всех стал закрываться. Причем не как обычно – медленно, а резко и стремительно. Водитель лимузина чуть замешкался и не успел сходу проскочить ворота, чудом избежав с ними столкновения. От резкого торможения пассажиры лимузина чуть не слетели со своих мест.

– Всё! Теперь! – сказал первый.

– Господи, прости меня, грешного, – прошептал второй.

Неожиданно для всех из группы встречающих по направлению к остановившемуся недалеко от неё лимузину поочередно вырвались две мужские фигуры. Полковник Нечипоренко, сидевший впереди Серёгина, успел крикнуть что-то по рации, но закончить свою команду он не смог, потому что рядом с его дверью раздался двойной мощный взрыв, от которого лимузин буквально подбросило вверх, и всё вокруг заволокло чёрным дымом. Раздались беспорядочные автоматные очереди. Стреляли откуда-то с территории завода и прилегающих к нему зданий автосервиса и магазина автозапчастей. Огонь вёлся прямо по лимузину и другим машинам сопровождения, а потом и по выскочившим из них людям. Через десять секунд раздался ещё один взрыв, теперь уже от выстрела гранатомета: прямое попадание в дверь полковника Нечипоренко. И он, и шофер сразу же были убиты.

Серёгин ничего не слышал и ничего не понимал, потому что был контужен первым ещё взрывом, и из его ушей обильно текла кровь. От удара о туловище Юсупова у него потемнело в глазах. От дыма он стал задыхаться, жадно глотая ртом становившуюся всё чернее воздушную смесь. После разрыва гранаты он уже не чувствовал правой своей руки, впрочем, её у него уже не было, хотя он этого ещё и не знал. Внизу, через образовавшиеся в полу пробоины тянулись к нему языки пламени, а сам пол стал обжигающе горячим.

Слева от Серёгина в агонии корчился Юсупов, чья кровь закипала и пенилась на уцелевшем после обоих взрывов бронированном стекле левой задней двери. На месте головы у Юсупова было сплошное чёрное месиво с беспорядочно разнесенными по нему жёлтыми зубами. Правая его нога, так раздражавшая Серёгина ещё каких-то десять минут назад, наполовину голая и с грязной от припёкшейся к ней обувной подошвы ступнёй, невероятным образом вывернутая в неестественном положении, была запрокинута на плечо Серёгина. Стекло искорёженной, но уже намертво заклинившей двери было частично утрачено, и через эту брешь, а также оторванную переднюю дверь убитого Нечипоренко в лимузин клубами валил дым вперемешку со снегом.

«Вот для таких-то случаев, госпаадааа, Робиинзoooооны иии нуууужныыыыы...», – глухо и растянуто сначала голосом Паратова-Михалкова, а потом переходящим в какой-то гул откуда-то глубоко из Преисподней, – последнее, что пронеслось в голове Серёгина, пока одна из пуль, кем-то наудачу посланных в сторону того, что ещё недавно было президентским лимузином – гордостью отечественного автопрома, отыскав пробоину в стекле и пробив на вылет черепную коробку, на этот раз окончательно не опустила перед его глазами театральный занавес и не погасила рампу. Только вместо аплодисментов на авансцене московской улицы продолжали звучать хлопки и рикошеты выстрелов.

Глава IV

В офисе неспешно кипела работа. С утра было несколько звонков-заказов на новое оборудование. Заказчики были все старые, проверенные, поэтому их заказы обрабатывались как по шаблону. И Ольга, и Надежда Викентьевна всё время были при деле: обсуждали детали заказа по телефону и одновременно вводили данные в бухгалтерскую программу и формировали счета.

Обработанные заказы тут же передавались сотрудникам отдела Кирсанова. Те, в свою очередь, выходили на своих привычных поставщиков, выясняя наличие у них нужных агрегатов и компонентов, уточняя цены и сроки поставки. Счета от поставщиков при их получении сразу же передавались на оплату в бухгалтерию. Так как эти заказчики уже давно работали с фирмой Кольцова, в их надежности и порядочности не сомневались: бухгалтерия моментально через онлайн-систему «Банк-клиент» давала команду на списание денег со счета. Так же действовали и поставщики по отношению к фирме Кольцова: не дожидаясь обработки банками операций по списанию и зачислению денег с одного расчетного счета на другой, они запускали уже собственный заказ в работу: обращались непосредственно к производителю или импортеру товара либо к такому же, как они, посреднику. С новым же покупателем, как правило, предпочитали работать по предоплате, либо продавец принимал на себя риск неоплаты уже заказанного им у своего поставщика товара для этого покупателя. Опытные менеджеры хорошо вычисляют ненадежных покупателей и могут запросто отказать им, не обращая внимания на объем заказа, доверяясь исключительно своей интуиции. Такие менеджеры ценятся везде особенно высоко.

Вот такой вот нехитрый бизнес «купи-продай», в котором решающее значение имеют цена, срок поставки товара и надежность контрагента. Чем ваш покупатель надежнее и чем дольше вы с ним работаете, чем больше товаров он у вас покупает, соответственно, тем выше процент скидки вы ему предоставляете. А скидка – эта та же цена, только связь обратная: чем больше первая, тем ниже вторая. И чем длиннее цепочка перепродаж, тем дороже обходится товар конечному покупателю. И если цена на всех этапах такой многоходовки каждый раз возрастает, то скидки делают этот рост не таким значительным, а иногда даже способны снизить первоначальную цену товара. Случается, что фирма-новичок, напрямую делая покупку у производителя, платит больше, чем если бы она покупала тот же товар у посредника, которому этот же самый производитель даёт хорошую скидку. Ведь посредник для производителя – это оптовик, постоянный и всегда надежный покупатель, снимающий с производителя все проблемы и риски розницы.

Решение о скидках конкретному покупателю всегда принимает руководство фирмы, но ведущие менеджеры, чтобы не упустить хороший заказ и не тратить время на обращение к руководству, в течение которого клиент может запросто уйти, как правило, наделены оперативными полномочиями в пределах выделенных им лимитов. Кроме того, не нужно забывать, что основной доход ведущего менеджера составляют именно проценты с продаж, которые он обеспечивает, а не постоянная величина его зарплаты. Именно таким менеджером на фирме Кольцова был Алексей Ропотов. И пока дела у фирмы шли хорошо, его материальное положение было достаточным, чтобы содержать семью, в том числе нигде не работающую и воспитывающую его двоих детей жену.

Фирмы-производители, фирмы-импортеры и фирмы-посредники, не важно, о каком товарном рынке идёт речь, давно известны всем, кто на этом рынке крутится. Появление новичка либо уход старожила с рынка – события нечастые. Поэтому все менеджеры по продажам предпочитают работать с давно знакомыми им людьми, которые подолгу не меняют места работы, а если и меняют, то переходят в конкурирующую фирму, прихватив с собой заодно и свои, наработанные годами технологии, связи и клиентские базы.

Так получается, что человек на том конце связи, к которому тебе приходится обращаться по работе порой по нескольку раз за день, уже настолько хорошо становится тебе знаком, что ты знаешь о нём больше, чем о своих соседях по лестничной клетке или даже о проживающих в другом городе родственниках. Менеджеры, занимая паузы во время разговора или переписки, вызванные необходимостью вбить данные в компьютер, или, наоборот, извлечь из него нужную информацию, успевают расспросить собеседника практически обо всем: о проведенном недавно отпуске, о здоровье детишек и домашних питомцев, о документах для получения какой-нибудь услуги в МФЦ. И что самое интересное: вот так, испытывая симпатию друг к другу и зная друг про друга почти как про себя самого, они, случайно налетев один на другого, например, в метро в час пик, могут запросто обменяться нелицеприятными выражениями, а то и синяками и ссадинами, потому как никогда не виделись вживую. И это не мешает им уже завтра, а то и в тот же самый день, если стычка произошла, к примеру, утром, с прежней симпатией и учтивостью общаться между собой по телефону или Интернету, обсуждая детали очередного заказа.

Первой в комнате новость о теракте в Москве узнала Ольга. В тот момент она только что закончила с очередной партией приточных вентиляционных камер, и у неё появилась свободная минутка изучить театральную афишу на ближайшие выходные. Дело в том, что Ольга уже две недели как встречалась с новым кавалером. Тот предложил ей сходить в кино, но Ольга больше предпочитала театр. Театральное свидание, по её глубокому и проверенному опытом пониманию, придавало значительно большую романтичность и серьёзность предстоящей встрече. К тому же некоторые её прежние кавалеры не проходили испытания театром, отсеиваясь или до, или уже после похода на спектакль, обнажая ей свою полную интеллектуальную пустоту либо, поняв, что театр – не для них, теряя затем интерес и к самой Ольге.

«Ничего себе, что творится!» – произнесла она так громко, что её услышали все вокруг, и дальше стала вслух так же громко зачитывать текст информационного сообщения:

«Только что на северо-востоке столицы в районе «Алтуфьевский» произошёл теракт, есть жертвы. Поступают противоречивые данные. По предварительной оценке Агентства... какого-то там... была взорвана мощная бомба, в соседних домах от взрыва выбиты стекла. Кроме того, местные жители сообщают, что в районе теракта слышалась перестрелка. В настоящее время район полностью оцеплен, узнать подробности пока не представляется возможным. Наши корреспонденты пытаются... Информация на сайте ГУВД Москвы не обновляется, телефоны пресс-службы не отвечают».

К тому моменту, как Ольга закончила читать, в комнате воцарилась полная тишина. Замолкли даже до этого не перестававшие трезвонить офисные телефоны. Слышны были лишь монотонно шумевшие своими вентиляторами компьютеры и висевшие на стене часы, которые отсчитывали теперь уже новое, наступившее для всех время, о чем никто из присутствовавших в комнате ещё не догадывался.

Тишину прервало причитание Надежды Викентьевны: «Неужели и до нас всё это добралось, Господи?»

Ропотов с полной уверенностью знатока высказал своё мнение:

– Исламские террористы... игиловцы¹ бывшие... Это они! Передвигают к нам фронт из Сирии и Ливии.

– Да, недоглядели спецслужбы-то наши... проворонили, – закивал в знак согласия Кирсанов.

Наверное, каждый, кто был в тот момент в комнате, представил страшную картину: вот спокойно идут люди, занятые разговором или мыслями о проблемах или планах, идут себе, никого не трогают, кто-то громко смеется, кто-то ведёт за руку ребёнка. Внезапно – у кого на

¹ представители террористической организации, запрещенной на территории России

пути, у кого позади – вырастает яркая, слепящая глаза вспышка света, раздается чудовищной силы взрыв, срабатывают десятки автомобильных сигнализаций, ближайшие к взрыву машины подпрыгивают и переворачиваются в воздухе словно игрушечные; тех несчастных, кто был в самом эпицентре, взрывной волной разрывает на части, ошмётки их тел разлетаются в стороны; с тех же, кому повезло оказаться чуть дальше, рвёт в клочья и срывает одежду. В лохмотьях, посеченные стеклом и камнями, истекающие кровью, стоят они, едва держась за стены и машины; некоторые лежат, стонут от боли, у кого-то нет конечностей, где-то валяется чья-то оторванная рука, нога, голова; женщины плачут не переставая, у детей истерика, кашель, кто-то бежит прочь, всё в дыму и крови, все в ужасе...

Ведь именно такую картину мы так часто видим в кино и новостных сюжетах. Так часто, что уже привыкли к ней и смотрим почти равнодушно. Когда взрывы происходят где-то там, далеко от нас, а здесь не видно и не слышно ни этих вспышек, ни взрывов, и пострадавшие там – сплошь чужие нам люди, думающие и разговаривающие на чужом языке, то для нас их горя, их страданий, их мук потери близких как бы и не существует. Для нас это – очередное кино. Ещё один «экшн».

А достаточно теперь только представить себя или своих близких среди этого ада – всё меняется, обретает иной смысл. Сразу начинает холодеть в жилах кровь, руки и ноги цепенеют, все житейские проблемы отступают, и ты радуешься только тому, что сам ты остался жив, живы твои родные, твои друзья и их родные, и больше тебе уже ничего не нужно, всё остальное отступает на задний план, теряет всякое значение.

Всё сразу приобретает другой оттенок, когда смерть, увечья и боль, помноженные на число пострадавших в сумме с их родными, близкими, друзьями, знакомыми и соседями, приходят в твой город. В тот город, где ты родился и вырос, по улицам и проулкам которого ты ходишь каждый день. И не задумываешься о том, что вот эта припаркованная машина, вот эта стена дома, вот этот канализационный люк буквально через одно мгновение и по чьей-то злой и подлой воле могут обрушиться на тебя, растереть и расплющить, превратив в кровавую биомассу. Когда такое случается в твоём городе, тебе становится по-настоящему страшно: за себя, за свою семью, за своих друзей. И тебя охватывает животный страх. Мозг отказывается давать правильные команды телу. Хочется только куда-то далеко-далеко убежать и там спрятаться, как зверь в норе. Сидеть, закрыв голову руками, не выходить наружу и не отпускать от себя детей.

Потом страх потихоньку рассеивается, и наступает отрезвление. Люди бросаются звонить родным, выяснять, где они, живы ли, целы ли. Услышав любимые голоса, успокаиваются. А в это время там, на месте трагедии, вперёд выходят смелые и отважные люди, работой которых является оказание помощи, наведение порядка и устранение последствий ЧП. Их энергичные и хорошо отработанные действия ускоряют восстановление привычного спокойствия, мобилизуют остальных, подавая им пример того, как нужно поступать в экстремальной ситуации. И люди, пострадавшие менее других, забывая о собственных ранах и повреждениях, боли и страхе, не обращая ни на что внимание, бросаются помочь тем, кому хуже. Бросаются, не думая о том, что ещё пять минут назад им самим была безразлична судьба и само существование тех, других. Сочувствие и сострадание в результате побеждают страх и эгоизм, это и делает человека по-настоящему человеком, выделяя его среди остальных обитателей планеты.

– Да, сейчас вся Москва превратится в одну большую пробку, это я вам точно говорю, – вывел коллег из оцепенения и перевел всё на бытовой уровень Кирсанов.

– Похоже, домой я сегодня попаду очень поздно, – предположил кто-то.

– Вот таксисты-то сейчас заработают на этом, – кто-то ещё из комнаты дополнил с ехидством в голосе.

– Уроды они, если втридорога брать с людей сейчас будут, грешно это.., – слышалось в ответ.

Все мысленно согласились с прозвучавшими репликами коллег, стали торопливо набирать номера телефонов своих близких, справляясь о них и одновременно успокаивая тех собственным безопасным положением. Вскоре спокойствие вновь вернулось в комнату, постепенно погружая её обитателей: кого в работу, а кого – ещё глубже в собственные размышления, страхи, переживания. За окнами между тем всё чаще и всё громче стали слышаться пронзительно ревушие сирены, но так как сами окна комнаты выходили на глухой заснеженный двор, никто к ним и не спешил.

Глава V

– О!.. Появились подробности теракта, – опять нарушила деловитую тишину комнаты Ольга. – Оказывается, это было покушение на кого-то из руководства страны... в одном месте говорят о Премьере, в другом – о Президенте... В Москву стянуты подразделения Росгвардии, в отдельных районах слышна стрельба! ...проходит зачистка территории... Охо-хо!.. Боже, что же это происходит-то у нас?

Прозвучавшие из уст Ольги слова «стрельба», «зачистка» и «покушение на Президента» произвели неизгладимое впечатление на её коллег и вновь ввергли всех в возбуждение. Люди сразу же бросили рабочую рутину и стали судорожно рыскать по сайтам новостных агентств, сиюминутно найдя там хоть крупицу новой ценной информации и убеждаясь, чёрт побери, что Ольга не шутит. В комнату стали один за другим вбегать и так же быстро выбегать их коллеги из других комнат офиса, и даже знакомые из соседних офисов. Некоторые из женщин, как Надежда Викентьевна, плакали, теребя в руке носовые платки. Всеобщая обеспокоенность тем, что же на самом деле происходит сейчас в городе, затмила все остальные темы, работа полностью остановилась.

В комнате воцарился форменный гвалт. Кто-то предлагал свою версию случившегося, кто-то пытался, встав на стул, перекричать остальных, вселяя в других уверенность, что вот-вот власть восстановит порядок. Кто-то и вовсе предлагал поскорее прекратить работу и ехать по домам, пока нарастающий хаос ещё не сказался на работе общественного транспорта и не парализовал все дороги в городе, не понимая при этом, что сам хаос от этого и происходит. В конце концов, решено было отправить кого-нибудь побойчее к Кольцову.

Михаил Андреевич Кольцов, этот седовласый и полный мужчина, придя по привычке в свой офис первым, с самого утра занимался изучением управленческой отчетности, подготовленной ещё вчера по его поручению. Но как он её ни листал, как ни крутил, лучше от этого она не становилась. Свободных оборотных средств у фирмы почти не было, и это было непреложным фактом. На расчетном счете фирмы денег оставалось на неделю работы, максимум дней на десять. При этом платежи, которые должны были быть произведены фирмой за тот же срок, согласно плану движения денежных средств, превышали первую величину даже с учетом прогнозируемой выручки. Срочно нужно было искать где-то деньги, чтобы закрывать дыру.

Крупные банки уже не раз отказывали Кольцову в кредите, даже, казалось бы, в таких ничтожных для них суммах; мелких же банков в стране почти не осталось. Свои личные деньги, хоть и было ему их жалко, он давно перевел в займы собственному предприятию. Брокерский счёт, эту свою любимую игрушку, он закрыл ещё перед прошлым Новым годом. С тех пор ни «японские свечи», ни «стакан», ни прочие «голова и плечи» его уже совершенно не интересовали. Оставалось только идти в микрофинансовые компании и брать у них деньги под убийственные проценты.

«Дожил! Идти к ростовщикам! Ну, Андреич, поздравляю тебя с этим! – сам себе говорил он мысленно. – Да, такого ахового положения не было даже после того ужасного карантина. Что же делать, что делать? ... Наверняка бухгалтер уже раструбила по фирме, что дело – швах. Сейчас народ побежит ко мне с заявлениями – отдавай зарплату и пособие, а где я им возьму? Я

и сам уже третий месяц без зарплаты... Да, король-то голый, – тревожные и сумбурные мысли подавляли в нём остатки рациональной практичности: того, чем он всегда так кичился перед собой и окружающими, что всегда придавало ему уверенности в жизни, – неужели это конец?»

С этим вопросом в его глазах и застала Кольцова обеспокоенная Люба, открывшая дверь его кабинета, так и не дождавшись разрешения войти после безуспешной попытки достучаться и пытаясь даже в такой ситуации соблюсти учтивость по отношению к шефу.

– Михал Андреич, я Вам стучу, стучу... там такое творится! Вы что, ничего не знаете? – обратилась к Кольцову молодая сотрудница кирсановского отдела.

– Что творится? Где творится?.. У нас?.. А где Дмитрий Николаич?.. Почему Вы, собственно, а не он... и так бесцеремонно... – пытался собраться с мыслями Кольцов, но это явно у него не получалось.

– Михал Андреич, в Москве теракт! На улицах стреляют! Вы что, правда, ничего не знаете? Не слышали? Вот же, послушайте, сирены на улице воют...

– Какие сирены?.. Ну, да... сирены, слышу... Но это скорые, наверное, или пожарные. Где-то пожар, Люба. Что-то горит. Но это далеко, не у нас. Успокойтесь, Люба, всё будет хорошо, не переживайте Вы так... Пойдите! Стреляют, Вы говорите? Теракт? – тут Кольцов, сделав ударение на последнем слове, пришел в себя и стал осознавать, что помимо его финансовых проблем Любу и всех других волнует нечто большее.

– Да, да! Михаил Андреевич, отпустите людей домой, все очень боятся, и я боюсь... Меня вот к Вам послали. Михал Андреич, пожалуйста! – переходя уже на слезы, взмолилась Люба. В это время в кабинет директора вбежало ещё несколько сотрудников, отчаянно споря между собой и наперебой пытаясь донести до шефа всю серьёзность сложившейся обстановки в городе, и, конечно же, свои версии произошедшего.

– Да, да, конечно, конечно, надо отпустить... Собирайтесь прямо сейчас и другим всем объявите, что никого в этой ситуации держать на рабочих местах мы не будем, – огласил он своё решение после недолгого погружения в этот наполнивший его кабинет шум и извлечения из него интуитивного понимания того, что в город пришла какая-то новая, доселе неведомая никому из них сущность.

Глава VI

– Давай, я подброшу тебя до дома, – предложил Ропотов Ольге.

– Как когда-то раньше? – многозначительно спросила она, глядя на него в упор, а уголки её глаз при этом посмеивались.

– Собирайся, – сухо отрезал Ропотов, не ослабляя первоначальной серьёзности своего предложения. – Я пойду прогреваться.

– Слушаюсь, мой генерал, – покорно опустила она глаза, как бы пряча от него то, что её выдавало.

Через пять минут Ольга бросила на заднее сидение машины Ропотова свою сумочку и пакет с нетронутым ею лотком с принесённым из дома обедом. Привычным для себя движением она оседлала место впереди, подле Алексея, и захлопнула дверь.

– Ну, что, кучер, ... трогай! – неловко попыталась пошутить девушка.

Алексей, не говоря ни слова, отпустил педаль тормоза, и машина медленно тронулась с места. Первые пять минут, пока они не выехали на шоссе, дорога была свободной. Но вот дальше произошло первое для них откровение новой сущности. Подъехав к перекрестку, они уперлись в хвост небольшой пробки из трёх-четырёх таких же легковушек в каждом из двух рядов. Светофор горел зелёным, но никто даже не двигался. По шоссе Энтузиастов в сторону центра быстро и, грохоча тяжелыми могучими колесами, шла колонна бронетранспортеров, поднимая сбившийся на обочине грязный снег брызгами воды на несколько метров вверх. За

тяжёлыми монстрами следовали такого же тёмно-зеленого цвета новенькие Уралы и КамАЗы с брезентовыми кузовами, на которых спереди и сзади бросались в глаза жёлтые таблички с надписью «Люди». Что там за люди были внутри грузовиков, видно не было, но все, кто в тот момент оказался на этой улице, прекрасно всё понимали.

Вклиниться в колонну со стороны переулка не представлялось возможным, да никому из разумных людей это и в голову не могло прийти. Гражданские терпеливо ожидали, когда дорогу освободит военная техника, и уедут машины дорожной полиции, перегородившие собой все въезды на шоссе.

Всё это время Алексей и Ольга сидели в машине молча. Про привычную музыку никто из них и не вспоминал. Из приемника доносились волнообразные речитативы журналистов, женские и мужские голоса менялись поочередно, приглашенные эксперты высказывали версии, их бесцеремонно прерывали ведущие, время от времени зачитывая экстренные сообщения. В этой многоголосице толком понять ничего было нельзя.

Ольга, наконец, решила нарушить затянувшуюся паузу и прямо спросила Ропотова:

– Ты думаешь, всё обойдется?

– Не знаю.

– А ты меня... ещё любишь?

Ропотов не стал отвечать на этот по-женски простой вопрос. Именно сейчас он не хотел бы касаться неожиданно поднятой Ольгой темы. Но, видит Бог, он всё ещё любил её. Любил, хотя и не смел в этом признаваться: ни ей, ни себе. Признаться ей – означало вернуть ложную надежду той, которая всё ещё продолжала его любить, а это было ему теперь очевидно. Для себя же он уже сделал осознанный выбор в пользу жены, семьи, своих детей, своего стабильного будущего. Поэтому признаться себе – значило перечеркнуть этот выбор и, поддавшись страстям и искушениям, снова броситься с головой в омут эмоций. Только потом, когда эта юная девушка потеряет для него всю свою нынешнюю привлекательность, свою молодость и непредсказуемость, когда родит ему ребёнка и станет требовать от него исполнения отцовских и супружеских обязанностей – всего того, что он прошёл с Леной, – чем она тогда, в сущности, будет отличаться от Лены?

Не хотел он признаваться и потому, что всё последнее время он старательно изживал из себя чувство к ней, Ольге. Эта любовь его тяготила, все ещё цепляясь за сладостные воспоминания, за отдушины среди обыденности, за отвлечение от повседневных проблем.

«Зачем продолжать, когда всё кончено?», – задавал он себе этот вопрос, каждый раз встречаясь с ней взглядом, провожая её удаляющийся силуэт, слыша её озорной смех. И каждый раз она вольно или невольно тем самым проверяла его на верность данному себе однажды слову. Как и сейчас, когда она неожиданно спросила его: «А ты меня ещё любишь?»

На счастье Ропотова, колонна вдруг резко закончилась, избавляя его от необходимости отвечать, и машина, что стояла справа и впереди его «Соляриса», эти старые угловатые «жигули», неожиданно завелась, тронулась с места и принялась объезжать по краю две стоявшие впереди неё машины, а также перекрывавший улицу полицейский автомобиль. Поравнявшись с последним, «жигули» добавили газа и стали выворачивать вправо на широкую улицу. В этот момент два гаишника, стоявшие до этого спиной к переулку и молчаливыми взглядами встречавшие и провожавшие очередную военную машину в колонне, встрепенулись и бросились вдогонку легковушки, размахивая на бегу руками и жезлом и что-то остервенело крича.

Водитель «жигулей», поздно осознав свою ошибку, попытался было проехать ещё несколько метров вперёд, чтобы прижаться к сугробу на месте тротуара и, как положено, остановиться. Но вместо тормоза, видимо, с перепуга, он даванул на педаль газа. Машину повело из стороны в сторону, она заревела, обрызгав полицейских грязью из-под задних колес, из её глушителя раздался громкий хлопок, потом ещё. Один из полицейских на бегу выхватил из кобуры пистолет и стал стрелять, но не в воздух, а сразу по колесам «жигулей». Машина уткну-

лась в сугроб, сразу же заглохла и встала, как вкопанная. Её перепуганный водитель, пожилой кавказец, открыл дверь и, не чувствуя под собой ног и пытаясь поднять вверх руки, вывалился на дорогу. Откуда не возьмись, к легковушке подлетел военный уазик. Из открытого окна уазика раздалась длинная автоматная очередь по тонированным окнам «жигулей», оставляя в дверях и на крыльях машины множественные пулевые отверстия и круша вдребезги стёкла.

По счастливой случайности ни одна из пуль не задела водителя легковушки. Он лежал, не шелохнувшись, в грязной снежной каше и, обхватив голову обеими руками, что-то причитал. Выскочивший из уазика высокий гвардеец бросился к бедолаге и, быстро оценив, что тот жив, а в жигулях больше никого нет, со злости дважды сильно ударил мужчину ногой по ребрам. Тот глухо вскрикнул, не отрывая при этом рук от головы и рефлексивно пытаясь подтянуть колено к локтю, чтобы прикрыть рёбра. В то же самое время из уазика выскочил второй гвардеец, пониже и шире в плечах первого. В боевой стойке, держась за автомат, он стал вертеться по сторонам, готовый в любую минуту открыть огонь на первое же опасное движение. Подбежавшие следом к «жигулям» гаишники остановились, что-то сказали первому гвардейцу, потом один из полицейских попытался поднять водителя, но того явно не слушались ноги, и он при каждой попытке сползал обратно на землю. На белом перепачканном лице его зримо читались боль и ужас; плача и бормоча, он пытался произнести что-то членораздельное, в то время как ветер трепал его седые волосы. Один из гвардейцев, тот, что бил старика, переговорив по рации, окликнул своего товарища, и вдвоем они с лёгкостью подняли мужчину под руки и затолкали в уазик, не обращая внимания на его стоны и причитания.

Видя всё это, сидевшие в передних автомобилях люди испытали, пожалуй, одно из самых сильных потрясений в своей жизни. Такого на их глазах ещё не было. Это был настоящий шок. Водители крайних в очереди автомобилей, которые находились далеко от перекрестка и не видели разыгравшейся на нём драмы, при звуке первых же выстрелов стали быстро разворачиваться, предпочтя на всякий случай поскорее покинуть это место.

Алексей и Ольга, которые всё видели, не проронили ни единого слова, хотя на их лицах и застыли гримасы ужаса, а головы ушли в плечи. Руки Ольги, сомкнувшись, закрыли её лицо, оставляя щели между пальцев. Несмотря на обуявший их животный страх, оба они жадно ловили происходившее за лобовым стеклом, глаза их расширились, рты беззвучно открылись. Интуитивно они боялись, что своими криками и возгласами обратят на себя внимание стрелявших, и в этом случае их неминуемо постигнет та же участь, что и несчастного старика.

Уазик с кавказцем и гвардейцами быстро уехал вслед ушедшей колонны. Один из гаишников, переговорив по рации, также спешно сел в патрульную машину и освободил проезд. Второй полицейский в то же время побежал между рядов стоявших машин и, раскручивая свой ярко светящийся жезл, стал громко выкрикивать в сторону водителей: «Проезжай, проезжай!.. Быстрее, быстрее!.. Не задерживай!»

Алексей, увидев, что передняя машина тронулась, сразу завёл двигатель и последовал в том же направлении, оставляя позади себя искорёженные пулями и внезапно осиротевшие «жигули». Руки его дрожали, в горле всё пересохло. Ольга, так же молча, как и до этого, медленно и настолько низко, насколько позволил ей ремень безопасности, опустила голову к коленям, обхватила их руками, спрятала в них лицо и начала рыдать. Тело её вздрагивало.

Алексей даже не пытался успокоить Ольгу, да и сделать этого сейчас не смог бы никто. Он понимал, что отвлекаться и давать сейчас волю эмоциям, когда ещё предстояло проехать большую часть пути, полного риска для его и её жизни, он не имел права. Главное, что от него сейчас требовалось, — это полностью мобилизовавшись и глядя во все глаза, быстро, но в то же время не привлекая к машине внимания, добраться до безопасного места. Таким местом теперь мог быть только дом. Других безопасных мест больше не существовало, равно как и других вариантов у него тоже не было.

Глава VII

Маятниковая миграция – отличительный признак любого мегаполиса, особенно сильно она проявляется в таких городах, как Москва, где на работу утром люди едут в центр, а с работы вечером – на окраину. Если бы жилые и деловые районы были распределены равномерно по всей территории города, такой проблемы, как пробки, в Москве бы не было.

Но исторические особенности развития Москвы, как нарушенный обмен веществ, определили возникновение её тромбов – современных пробок. Москва – достаточно древний город, который возник и укоренился на возвышающихся над равниной холмах по берегам одноименной реки. Заняв глухую оборону от рыскающих по окрестностям врагов, Москва, как, впрочем, и другие города – её ровесники, обозначила кольцевой контур своего исторического центра, ошестинившись наружу высокими стенами и башнями местного кремля. Потом, по мере расширения влияния и роста численности населения город стал выходить из своих прежних границ и передвигать крепостные стены вперёд, на новые рубежи. При этом окружные контуры Москвы сохранялись, увеличивался лишь радиус самой окружности. Такой оборонительный, радиально-кольцевой тип разрастания города сохранился и после того, как развитие средств нападения сделало бессмысленным строительство новых и укрепление прежних защитных сооружений. Так и повелось с тех пор: центр – для власти и её прислуги, окраины и окрестности – для холопов и прочей черни.

Другое дело, если бы Москва развивалась, как, например, значительно уступающий ей в letech Нью-Йорк, представляющий собой взаимно-перпендикулярное пересечение улиц (стрит) и проспектов (авеню), образующих между собой кварталы застройки. Это, конечно же, не значит, что в Нью-Йорке нет пробок, но вариантов их объезда по параллельным улицам у водителя становится больше, да и маятниковая миграция в нём не так сильно выражена, как в российской столице.

В качестве серьёзных как природных, так и рукотворных ограничителей развития столичной сети автомобильных дорог являются реки, каналы и железные дороги. Для пересечения этих преград нужны мосты и эстакады, а построить их в условиях плотной городской застройки гораздо сложнее и дороже, чем обычную трассу или развязку. Так, например, последний из девятнадцати автомобильных мостов в пределах МКАД через Москву-реку был открыт почти пятнадцать лет до разворачивающихся сейчас событий. Согласитесь, девятнадцать мостов – не так уж и много для пятнадцатимиллионного города-гиганта, коим предстала перед нами сейчас Москва.

Офис Кольцова располагался в восточном московском районе Новогиреево. Отсюда во все концы Москвы бросились разъезжаться работники его фирмы, отпущенные по домам. В офисе остались только сам Кольцов и его зам Авдеев, который ближе к вечеру, слегка покачиваясь после распитой с патроном большой бутылки виски, оставил последнего в тягостных раздумьях и полном одиночестве.

Ольга и Алексей жили по соседству: в районах Сокол и Щукино, соответственно. Чтобы добраться домой, им предстояло проделать нелегкий путь с востока на запад столицы через центр. Самым удобным из прочих для них был бы маршрут: шоссе Энтузиастов, далее одно из центральных колец – Третье, Садовое или Бульварное, и потом уже – широкая и просторная Ленинградка. В режиме обычных дневных пяти баллов весь путь бы занял у них около полутора-двух часов. Именно столько времени каждое утро и каждый вечер фактически вычеркивал из своей жизни Алексей. Немногим меньше также бездарно теряла и Ольга, пользовавшаяся метро. Но что поделать, не всегда же можно найти хорошую работу рядом с домом.

Но именно этот день стал особенно неблагоприятным для автомобильного передвижения по дорогам столицы. Уже через час после выхода первых новостей о теракте в Алтуфьево московские пробки побили все прежние рекорды. Твёрдая десятка. Центр стоял намертво. От

центральных колец красные линии пробок, словно спирт по трубке термометра, постепенно вытягивались дальше по направлению к МКАД. Главное и самое протяженное кольцо Москвы местами ещё было свободно, но вступление в столицу военной техники привело к тому, что и Кольцевая тоже остановилась. Для проезда военных колонн дорожные полицейские сгоняли гражданских вправо, освобождая под технику и машины с мигалками один левый ряд. С зазевавшимися или «непонимающими» водителями не церемонились: гаишники через громкоговоритель угрожали им расправой или стучали жезлами по крышам их машин. Как правило, это действовало безотказно, и пробка нехотя расступалась, принимая в свои ряды попавших под горячую руку собратьев.

Спецподразделения, дислоцировавшиеся непосредственно в столице, первыми оказались в районе Алтуфьево. Несмотря на то, что в их распоряжении были лучшие в стране профессионалы, не только наземные, но и воздушные силы, уничтожить сразу или хотя бы блокировать лиц, осуществивших дерзкое покушение на главу государства, у них не получилось. Группа террористов в составе не менее двадцати, судя по огневым точкам, членов, умело рассредоточившись на большой заводской территории, оказывала активное и весьма результативное сопротивление силам правопорядка.

Поэтому не справившимся сходу с поставленной задачей командирам спецподразделений ничего не оставалось делать, как приостановить штурм. Решено было приступить к немедленной эвакуации гражданских лиц, оказавшихся по необходимости, работавших или проживавших в районе боевых действий. Для блокирования террористов решено было стянуть в район боя значительно большее количество военнослужащих, единиц штурмовой техники и специальных технических средств. Необходимо было также провести разведку местности, как следует оценить силы противника и подготовить план дальнейших действий в зависимости от вариантов развития событий, самым желанным из которых было начать переговоры с террористами и склонить их к сдаче оружия.

Подразделения Росгвардии, поднятые по тревоге сразу после расстрела президентского кортежа, разделились на две основные колонны и выдвинулись из места своей дислокации в подмосковной Балашихе к месту сражения. Первую колонну бросили на Алтушку с севера через МКАД. Вторая колонна, на которую наткнулись Ропотов с Ольгой, была направлена по шоссе Энтузиастов на юг Алтуфьевского шоссе. Вскоре она разделилась ещё на две: одна пошла по Северо-Восточной хорде, другая – через проспект Будённого, набережные Яузы, Ростокинский проезд и Ботаническую улицу. Одновременно, минуя московские пробки, напрямую к эпицентру событий понесли на себе подкрепление живой силой транспортные вертолёты национальной гвардии.

Алексей высадил Ольгу у подъезда её дома в полвосьмого вечера. Больше семи часов длился их путь до первой остановки. Ночь постепенно опускалась на встревоженный город. Вовсю уже горели уличные фонари. Школьники заканчивали с домашним заданием, малышей купали, читали им сказки на ночь.

Выйдя из машины, Ольга молча посмотрела на Алексея своими красными, заплаканными глазами. Ни грамма былой утренней игривости в них уже не было. Чувство тревоги и неуверенности в завтрашнем дне и отголоски ужаса от увиденного сегодня днём – всё, что передалось от неё Ропотову.

Алексей, обняв Ольгу и сухо поцеловав её в голову, попытался успокоить:

– Оля, не бойся! С нами такого больше не случится.

Забудь всё! Как сон, забудь.

– Этого уже не забудешь никогда... Спасибо, что подвёз... Хотя лучше бы уж я на метро... – она пошла прочь, не оборачиваясь.

Не заглушив двигатель после остановки машины, он снова вернулся в неё, дождался, как и прежде, когда Ольга скроется в подъезде, и зажгутся её окна на четвертом этаже, и только потом продолжил свой путь домой.

В течение всего дня, пока они пытались вырваться из плена пробок, он несколько раз разговаривал по телефону с женой. Лена звонила ему каждый час. Она очень беспокоилась за мужа, узнав о теракте, так же, как и большинство москвичей, из новостей. Она первой позвонила Ропотову, с тревогой в голосе выясняя, что с ним и где он. Потом уже звонила ему, сверяясь с картой, и уточняла, где он в тот момент ехал.

Алексей, конечно же, умолчал, что был в машине не один. Зачем ему сейчас лишние вопросы, зачем опять беречь едва затянувшуюся рану на сердце жены, зачем давать ей повод для волнения и неудобных для себя вопросов. Не подавала звуков и Ольга во время этих телефонных переговоров. По-женски она понимала Лену, и в такой же ситуации, но без своего участия в ней, конечно же, приняла бы сторону обманутой жены, матери детей своего увлечшегося на стороне мужа. Но в том-то и дело, что муж этой женщины увлёкся тогда ни кем-то ещё, а именно ею, Ольгой. И это всё меняло в её собственных глазах. Людям всегда просто судить других по совершённым теми преступлениям, ошибкам или прегрешениям. Но стоит только им самим совершить что-то такое случайно или по недомыслию, или, как в случае Ольги, повинаясь одному только чувству, как они сразу находят себе оправдание, а все вокруг, тыкающие пальцем и хором твердящие: «Виновен!», становятся злейшими врагами, и обвинительный их мотив безапелляционно отвергается.

Когда Ропотов, наконец, открыл входную дверь в свою квартиру, Лена бросилась к нему, уткнулась лицом в грудь и крепко обняла. Так, молча, стояли они в дверях какое-то время, пока она не посмотрела на него и не вымолвила:

– Как же я волновалась за тебя!.. Ну, заходи же, раздевайся скорее. Иди поешь, я приготовила. Твой любимый борщ, только что разогрела ещё раз, пока горячий. Хочешь, выпей – я налью.

– Спасибо, любимая! Как же я рад, наконец, тебя видеть!.. Дети уже спят?

– Да, уложила их.

Лена сидела напротив него за столом в кухне, сложив руки, как школьница. Приглушенный свет падал на её лицо, подчеркивая красоту утомленных глаз. Они смотрели на мужа по-собачьи преданно, пока он отхлебывал из тарелки ложку за ложкой. Рука его – та, что держала ложку, всё время дрожала. Но Лена ничего не спрашивала, хорошо понимая причины этой дрожи и этого напряжения. Алексей выпил три рюмки водки, пока ел борщ, съел пару зубчиков чеснока. Такого вкусного борща он, казалось, никогда раньше не ел. Водка расслабила его, и дрожь ушла.

Утолив голод и сняв стресс после выпитого спиртного, Алексей, не торопясь, поведал Лене обо всём, что он сегодня увидел, что пережил, умолчав только об Ольге. После рассказа мужа о водителе «жигулей» она тоже не удержалась и, хотя не любила это дело, налила в его рюмку водки и залпом, как делал это он, опрокинула содержимое внутрь себя. Лицо её поморщилось, рука потянулась к ломтю хлеба, и слёзы сочувствия и одновременно радости за живого и невредимого мужа проступили на её глазах.

– Бедный мой Алёша! Я ведь могла тебя потерять сегодня, – только и промолвила она.

Уже засыпая под шум падающей в душе воды и, вспоминая мокрое обнаженное тело своей жены, её плечи и длинные русые волосы, Алексей ещё раз пересматривал закрытыми глазами картину увиденного сегодня. Почти в дымке он видел, как дергалась спина Ольги, когда та плакала у него в машине, как смотрела она на него у своего подъезда, прощаясь, и как смотрела на него потом Лена, слушая его пересказ долгой-долгой и опасной дороги домой.

«Какая же у меня замечательная жена!.. И какая сволочь её муж...», – подумал он перед тем, как полностью провалиться в сон.

Глава VIII

– Алёша! Лёша, проснись! – с тревогой в голосе Лена расталкивала Ропотова, но он никак не хотел очнуться.

– Что? – Алексей приподнялся на одном локте и ничего не понимающими глазами уставился на жену. – Который час?

– Семь... сейчас семь утра, без четверти, просыпайся! Что творится! – тревога и дрожь в голосе Лены нарастали. – Я проснулась в шесть. В туалет. Потом легла, но уже не смогла заснуть: всё эти ужасы твои. Пошла на кухню, пью чай, включила телек, потише сделала – боялась вас разбудить... Шли как раз новости, и там сказали, что вчера было покушение на Президента, а ещё днём – нападение на военную колонну. По всей Москве ввели военное положение и комендантский час с одиннадцати вечера до пяти утра. Объявили ещё, что все, кто не задействован в работе систем обеспечения, должен оставаться дома. Лёша, ты останешься сегодня дома! Слышишь? С нами. Я тебя на работу не пушу. Даже не думай! И Сашка пусть дома сидит. Хватит с него школы! Дома пусть занимается.

Алексей живо вскочил с дивана, и на ходу, пока шёл на кухню, оделся в домашнее. Умылся он там же, на кухне. Специально включать телевизор ему не пришлось: тот уже работал. Незнакомый ему диктор, словно из далекого советского прошлого, в очках зачитывал с листа бумаги текст какого-то важного правительственного сообщения. Из текста этого сообщения следовало почти всё то, что передала ему в нескольких словах Лена. Кроме того, сообщение призывало граждан сохранять спокойствие, с пониманием относиться к проводимым мероприятиям, по возможности оставаться в своих домах, на улице соблюдать общественный порядок и следовать указаниям представителей местной власти и военной администрации. Собираться в группы и проводить собрания строго запрещалось. Диктор закончил сообщение тем, что общественный порядок в Москве будет скоро восстановлен, а комендантский час отменен, и что скоро Президент выступит с важным обращением к народу. Через три минуты застывшей картинки с известным всем, кто постарше, «трёхрублёвым» видом Москвы на Кремль тот же диктор стал снова зачитывать своё сообщение, посему Ропотов сделал вывод, что это включили ту же запись.

Попробовав другие кнопки, Алексей обнаружил, что на других каналах было то же самое. «Не хватало ещё “Лебединого озера”!» – невольно подумал он, вспомнив трагические события в Москве тридцатилетней давности, точнее, их освещение уже потом, когда он стал немного соображать, повзрослев.

Поняв, что по телевизору ему больше ничего не скажут, Ропотов сходил в спальню за своим планшетом, и, вернувшись на кухню, стал читать новости из Интернета, запивая горячим сладким чаем бутерброды, приготовленные Леной. Лена под села рядом и пыталась тоже что-то углядеть, пока он энергично водил пальцами по экрану.

Очень быстро он наткнулся на ссылку на один из Ютьюб-каналов. Ссылку сопровождал заголовок, из которого следовало, что Президент убит, и власть в стране перешла какому-то объединённому штабу национального спасения. Перейдя по ссылке, Алексей запустил запись, на которой пятеро мужчин в униформе защитного цвета без опознавательных знаков и с закрывавшими их головы черными масками молча сидели за длинным столом в каком-то маленьком помещении без окон с низким потолком, рядом с одним из них на столе лежал автомат. Там же среди этих пятерых сидели ещё двое, уже без масок, оба славянской внешности, с короткими, почти отсутствующими на голове прическами. Возраст их был примерно такой же, как и Алексея, – тридцать пять.

Эти двое стали поочередно говорить на камеру, в то время как остальные пятеро всё время молчали.

Из слов этих двоих следовало, что вчера в Москве одной из боевых групп русских патриотов было совершено покушение на Президента, и что тот убит. В подтверждении своих слов они попросили оператора показать видеозапись. В левом нижнем углу экрана через какое-то время появился чёрный квадратик, а потом на нём включилось изображение вчерашних событий у завода «Универсал», снятое со стороны территории самого завода. Квадратик увеличился в размере, заняв весь экран.

Запись была неважного качества, с шумами, но приезд кортежа, двое бегущих к ним, сами взрывы, горящие машины и лимузин, а также суетливо снующие в дыму, прячущиеся за машинами и стреляющие в сторону завода люди – были видны отчетливо. Видно было также и как некоторые из людей внезапно падали, кто-то из них отползал под машину, оставляя тёмный след позади. На протяжении всей съемки были слышны выстрелы и какие-то громкие крики со стороны видеокамеры, мат, опять крики, снова мат. Потом картинка вдруг дёрнулась, звук пропал, изображение стало быстро переворачиваться, и стало, как в начале, чёрным. На экране опять появилась та же комната с людьми.

Один из этой группы, что был без маски, повторил, что Президент убит, и стал требовать, чтобы все военнослужащие и полицейские, а также гражданские власти на местах стали исполнять какое-то постановление этого объединенного штаба. Другой, дав ему закончить, тут же стал говорить, что катастрофическая ситуация в стране, вызванная обнищанием народа и произволом властей, беспределом судей, правоохранителей и карателей из Нацгвардии, невозможность из-за цензуры и подтасовок результатов выборов сменить мирным путем власть и проводимый ею курс, а также бесперспективность призвать к суду преступную воровскую клику Президента вынудили самую ответственную часть общества, его боевых товарищей-патриотов, взять в руки оружие и объявить войну ненавистному политическому режиму узурпатора и государственного преступника – Президента, которого он, при этом, всё время называл по фамилии.

Другой из говоривших, перехватив словесную эстафету, продолжал, чётко и громко произнося, словно, вколачивая гвозди, слова: «Верховная власть продажных, насквозь коррумпированных чиновников и предавший страну и её армию и изменивший присяге генералитет, действуя в интересах иностранных государств и подельников Президента из числа его дружков-казнокрадов, грабит народ и богатства страны, вывозя деньги за границу, и подвергает репрессиям патриотов, не желающих мириться с таким положением. А через подконтрольные средства массовой дезинформации эта преступная власть вбивает в головы людей, что в стране всё замечательно, всё в порядке, что большинство наших граждан счастливы и полностью поддерживают эту власть и этого Президента. В то время, как сотни и тысячи патриотов на всей территории страны уже больше года ведут войну на уничтожение представителей преступного режима и его охранителей».

Из дальнейшего следовало, что «с тех пор, как в результате подлого сговора преступной шайки Президента с такими же военными преступниками из враждебной Украины были преданы и растоптаны в кровь народные республики Донбасса, а многие отважные сердца их защитников навеки перестали биться, русскими патриотами из числа бывших военнослужащих армейских и специальных подразделений, добровольцев и ополченцев Донбасса, бывших наёмников, которых посылали умирать в Сирию и Ливию за чуждые народу интересы, а также всех униженных и оскорбленных этой властью российских мирных граждан сначала стихийно, а потом и организованно начали формироваться боевые отряды, подчиненные идее национального спасения».

С их слов, повстанческое движение имело сетевую структуру управления и не подчинялось единому командованию. Что бойцы и командиры одного отряда не знают бойцов и командиров других отрядов, и именно это не позволило силовикам ликвидировать всю сеть борцов за свободу, схватить и уничтожить их лидеров. Что координация действий отрядов проводится

с помощью неподконтрольным властям соцсетям в Интернете. Что среди действующих силовиков и честных чиновников у них имеются многочисленные сторонники и сочувствующие люди, которые им помогают. Что идеи, которые они разделяют и за которые проливают свою и чужую кровь, поддерживаются абсолютным большинством людей в стране.

В конце видеоролика один из говоривших ещё раз сказал, что с убийством ненавистного диктатора они объявляют о переходе власти в стране в руки объединенного штаба национального спасения, а само это убийство должно стать сигналом всем боевым отрядам о развёртывании тотального террора против приспешников уже бывшего Президента и его местоблюстителей до их полного уничтожения или сдачи на суд народа. Мирные граждане должны присоединяться к акциям протеста и неповиновения прежним властям, хотя им всё же лучше избегать мест кровопролития. Всем, кто смотрит этот ролик, предлагалось разослать его дальше, по своим знакомым. Потом они все встали и уже дружно принялись скандировать: «Россия! Снова! Станет! Свободной! Россия! Снова! Станет! Свободной! Россия! Снова! Станет! Свободной!» Человек в маске, рядом с которым на столе лежал автомат, поднял его над головой и стал размахивать в такт чеканным словам. На этом ролик кончился.

Глава IX

– Во дела! Вот это да! Охренеть можно! Это ж настоящая гражданская война, и не где-нибудь, а здесь, у нас! – воскликнул Ропотов.

– Алёша, объясни мне, что это было? – переходя в полный голос, произнесла Лена. – Неужели правда, что Президент убит? – воскликнула она, обхватив свои виски руками. – Скажи, что это не так! Что всё это – сон!

– Я тоже не верю в это... да и вообще, во всё, что они говорили... Да, у нас, тяжело, согласен. Многие и даже очень многие живут сейчас трудно, особенно в провинции. В материальном плане трудно. Но не так же тяжело, чтобы бросить всё и с оружием идти свергать власть, убивать за идею других людей, полицейских – это уже перебор! Я в это не верю!

– Но ведь они же показывали, как горела его машина, там же никто не мог уцелеть... Как же так?.. Что это было? Монтаж?

– Может... а может, и кого-то другого показывали... Может, вообще постановочный фильм нам показали, – тут Алексей заулыбался, – фигня всё это, наверное... Другое дело, почему же тогда по телевизору ничего толком не говорят? И почему Президент ещё до сих пор не выступил? Где он вообще?

– Сказали, что он скоро выступит.

– Ну, вот тогда и понятно будет.

Тут в кухню неслышно зашел Павлик, младший сын Ропотова. Он тёр свои прищуренные от яркого освещения глаза, ноги его были босы, а нижняя губа, оттопырившись, слегка подёргивалась:

– Мама! Чего вы тут расшумелись, нам с Сашей спать не даёте!

– Малыш мой, Пашенька, ложись скорее в кроватку, мы уже не шумим! Пойдем со мной! – взяла Лена сына за руку и быстро повела его в детскую.

Паша перестал канючить и послушно последовал за мамой, семеня босыми ножками. В доме Ропотовых снова воцарилась тишина. Лена, выйдя через пару минут из детской спальни их двухкомнатной квартиры, шёпотом и жестами велела и Алексею вернуться в кровать. Он лишь отмахнулся от неё, как бы говоря: «Иди сама ложись. Я ещё посижу тут, почитаю, потом приду». Лена не стала настаивать на своём.

Она вышла из кухни, а её муж снова стал энергично двигать и постукивать пальцами по экрану планшета, открывая ссылку за ссылкой и замирая на время их недолгого поверхностного просмотра. Затем он переходил к следующим за этими ссылками ссылкам, ненасытно

поглощая всё бóльшие и бóльшие объёмы бесконечных байтов и битов противоречивой информации. И только потом, почти через час, как ушла спать Лена, так и не наведя у себя в голове порядка, уставший Ропотов выключил наконец свой почти разряженный планшет и, скинув с себя домашнюю одежду, поспешил нырнуть в постель.

Второй раз за это утро чета Ропотовых проснулась в начале десятого. Их дети уже не спали. Саша, старший ребенок в семье и ученик третьего класса, поднявшись без будильника и прочитав на кухне записку, оставленную ему мамой на видном месте о том, что в школу он сегодня не идёт, радостный побежал дальше досматривать сны. Где-то через час его разбудил Паша, который уже выспался, кое-как оделся и тут же, не умывшись и не почистив зубы, принялся за свой любимый конструктор «Лего». Вскоре уже оба ребёнка сидели на полу за конструктором и оживленно о чём-то спорили. Лена, проснувшись от шума в детской, разбудила Алексея, и вместе они, пролежав в постели ещё несколько минут, принялись подниматься.

После утреннего туалета и поочередных умываний семья Ропотовых в полном своём составе собралась на кухне за завтраком. На завтрак Лена приготовила овсяную кашу. Все, кроме Паши, с удовольствием опустошали свои тарелки. Маленький же Ропотов капризничал. Он не любил овсянку, как, впрочем, и любую другую кашу, и периодически устраивал бунты против неё. Лена обычно жёстко их подавляла с помощью одной лишь угрозы поставить мальчика в угол и лишить сладкого до самого ужина. Как правило, эти угрозы не сразу, но действовали.

В свои пять Паша, познав уже и угол, и отцовский ремень, со всей серьёзностью относился к родительским угрозам, равно как и к существованию Деда Мороза и Зубной феи. Поэтому, попытив немного, поканючив, он и в этот раз снова взялся за ложку и, бурча что-то под нос, нехотя отправил её содержимое себе в рот, не преминув при этом скорчить рожицу несчастного ребёнка.

– Сейчас получишь подзатыльник – будешь ещё тут рожи строить, – строго заметила ему Лена.

Паша молча мусолил во рту кашу, понутив взгляд и стараясь не смотреть в строгие мамины глаза. А в папины – особенно.

– Я всё! – тут радостно воскликнул Саша, показывая маме пустую тарелку.

– Вот Саша – молодец! – убивая сразу двух зайцев, произнесла Лена не столько в поощрение старшему, сколько в назидание младшему сыну.

Паша, правильно поняв намёк, стал чаще работать ложкой, но при этом и громче сопеть носом.

– Иди, сынок, поставь тарелку в мойку и принимайся за книжку.

– Опять книжку? – заныл Саша, – А можно я с Пашей в конструктор ещё поиграю, когда он поест?

– Так! Слышал, что мама тебе сказала? – вмешался отец. – Ну-ка живо пошёл в свою комнату и сел там читать. Сейчас приду, проверю.

Саша, дабы не давать повод отцу для дальнейших действий, которые могли обернуться для него неприятностями, предпочел раствориться в полумраке коридора. Паша, не доев примерно треть от первоначального объёма так нелюбимой им и уже успевшей хорошенько остыть каши, которая теперь превратилась в вязкую клейкообразную неприглядного вида массу, оттопырил нижнюю губу и принялся опять за то, что у него получалось лучше всего, – канючить:

– Ну, мама, можно я не буду её доедать? – при этих словах Паша мастерски стал изображать из себя состояние, близкое к смерти в результате удушья от острого химического отравления. Остатки недоеденной, но отлично пережеванной овсянки стали спускаться с его по-прежнему оттопыренной губы, а глаза заблестели капельками вымученных слёз. – Ну, пожалуйста, мам!

– В угол опять захотел?.. Так! Съешь ещё две ложки и дуй отсюда, – не выдержала Лена, сдавая свои первоначальные позиции и внося в завтрак элементы торга.

– Одну ложку! – резко изменившись в лице, с видом дельца понизил мамину ставку Паша.

– Я тебе сейчас дам одну ложку! И ложкой ещё по лбу в придачу. Ну-ка ешь быстро, пока я не передумала. Две ложки!

Паша перестал жевать, перевел глаза с каши на край стола и начал всхлипывать. Не видя никакой реакции родителей, он стал всхлипывать громче. Одна, а затем и вторая его слёзы упали поочередно на клеёнку. В тиши кухни этот звук хорошо был слышен обоим родителям. Алексей тяжело вздохнул, строго глядя на отпрыска, и продолжил пить свой чай.

Паша, потянув левую руку к глазам, пока в правой всё ещё находилась ложка, стал давиться тем, что у него оставалось во рту, готовясь, судя по всему, извергнуть из себя и это, непроглоченное, и то, что уже благополучно переваривалось в желудке.

Алексей при виде этой хорошо известной ему сцены продолжал сохранять спокойствие, хотя руки его явно чесались.

– Хорошо, хорошо! Ещё одну ложку! – окончательно сдалась Лена.

Паша внезапно прекратил пыхтеть, быстро утёр глаза, с видимым трудом проглотил кашу и погрузил ложку в её остатки в тарелке только наполовину. Но бдительная Лена не позволила сыну так задешево уйти сегодня из-за стола:

– Полную, полную ложку бери, как договаривались!

Договор дороже денег. Это в семье Ропотова знал даже пятилетний Паша. И он, пересилив себя, набрал почти полную ложку каши и быстро определил её в свой маленький ротик. Не успев прожевать и проглотить эту выстраданную им последнюю порцию утреннего испытания, он сорвался из-за стола, и только одетые в белые носки его пяточки замаячили в глазах не успевших никак среагировать родителей.

– А прожевать?! Паша! – только и крикнула Лена в след убегающему мальчугану, уже успевшему и проглотить ненавистную ему кашу, и что-то прокричать раздраженно своему старшему брату.

– Лен, а где пряники? Мятные эти, – неожиданно вспомнил Алексей, почувствовав, что чего-то не хватало ему для завершения утреннего чаепития.

– Так дети ещё вчера их доели, – ответила Лена, смущенно улыбаясь.

– А конфеты, которые твоя мама в прошлый раз нам привезла?

– Тоже кончились, в воскресенье как.

– Опять я всё пропустил... Так чего, к чаю нет, что ли, больше ничего? – почти с обидой в голосе спросил Алексей.

– Ну, вот ты сам после завтрака сходи и купи: и пряники, и конфеты. Я вот тебе сейчас список дам, чего ещё нужно. – Она встала и сделала шаг по направлению к шкафчику, где лежали блокнот и ручка.

– Ну вот, нашёл себе работу, – полушутя, пробухтел Алексей.

Лена ответила ему только смехом.

Глава X

Уходя из дома, Ропотов вооружился списком продуктов, которые ему нужно было купить в магазине. Ещё на пороге квартиры он, увидев в мобильнике несколько неотвеченных вызовов, стал набирать номер своего друга и коллеги Кирсанова. И уже выйдя из подъезда, наконец после долгих длинных гудков услышал знакомый голос Димы.

Кирсанов так же, как и Ропотов, остался сегодня дома. Собираясь привычно на работу и услышав поставившие его в тупик новости, он, первым делом, стал обзванивать коллег, чтобы как-то сориентироваться и спланировать наступивший день. До Кольцова и Ропотова он так и

не дозвонился. Заместитель же Кольцова Николай Павлович Авдеев ответил ему, что фирма сегодня не работает, и ему, Кирсанову, как и всем сотрудникам, не нужно приезжать сегодня на работу. Обсудив между собой все последние события и высказав друг другу обеспокоенность по поводу их возможных последствий, они договорились и дальше поддерживать связь, обмениваться новостями и планами теперь уже на завтра.

Потом Ропотов уже сам позвонил Кирсанову.

– Ты тоже дома? Слышал, что происходит? Военное положение ввели в Москве. Во, блин, дожили! – едва поздоровавшись, сразу выпалил Ропотов.

– Да, уж, наслышан. Интересно, на сколько это всё затянется?

– Телек умер совсем... А ты смотрел в Интернете, что там ещё показывают и что рассказывают? У меня волосы дыбом.

– Не, не успел ещё. А что?

– Посмотри, посмотри. Я тебе советую. Сам, правда, так и не разобрался ещё до конца, верить этому или нет.

Алексей быстро изложил Дмитрию версию убийства Президента, изложенную непонятными людьми в масках и с автоматом, а также косвенные подтверждения её на других сайтах и форумах. Кирсанов недоумевал. В итоге друзья условились периодически созваниваться, а также договорились разослать своим сотрудникам эсэмэски с сообщением от Авдеева. Речи о скорой встрече между ними не было.

По дороге в магазин Ропотов стал замечать, что на фасадах некоторых домов появились какие-то небрежные, видимо, впопыхах сделанные надписи. Они были большие, почти с человеческий рост. Раньше он их здесь не замечал. Надписи были нанесены чёрной и явно аэрозольной краской, какой обычно наносят свои граффити юные горе-художники. Почти все надписи были одинаковые, в том смысле, что это были одни и те же четыре буквы: одна «Р» и следом за ней подряд три «С». Таким образом, получалось «РССС».

«РССС – прямо-таки СССР наоборот... Чушь какая!» – подумал Ропотов, проходя мимо одной из таких загадочных надписей. Часть из них старательно стирали дворники-азиаты, но некоторые надписи продолжали гордо и бесстыже обращать на себя внимание, оставаясь никем пока не тронутыми на всеобщем обозрении. Возле одной такой шифрограммы стояли три бабули и молодая женщина с девочкой за руку. Женщины живо что-то обсуждали, периодически показывая жестами на испачканную стену дома. Слова «вандалы», «проучить» и «безобразие» слышались особенно хорошо в этом переливе высоких и дребезжаще-скрипучих нот.

Войдя в магазин и прихватив свободную пластиковую корзинку, Ропотов, отвыкший было от пеших походов по супермаркетам, вспомнил, что очень давно не был в этой самой близкой от его дома «Пятёрочке» и что всё ему здесь почти незнакомо. Как правило, продукты Ропотов покупал в гипермаркетах типа «Ашан» и «Лента»; делал он это, в основном, один, по дороге с работы или в какой-то из выходных дней, дополня забивая багажник своего «Соляриса» или же вполовину – багажник старенького джипа его жены, когда он был на нём. Этих продуктов у них хватало почти на неделю, а если что и заканчивалось раньше, Лена покупала сама, выходя из дома среди недели. Эту «Пятёрочку», в отличие от своего мужа, она хорошо знала.

Наполнив корзинку пряниками, конфетами, сыром, молоком и яйцами, а также банками фасоли и горошка, Ропотов встал в очередь в кассу. Перед ним стояло ещё человек пять. Ближайшие к нему: молодой человек, явно студент, и девушка, скорее всего, его хорошая знакомая, – негромко, но эмоционально обсуждали что-то такое, что сильно их волновало. И это явно не касалось их отношений. Прислушавшись, Ропотов понял, что предметом столь оживленной беседы были вчерашние события в Москве. Ребята обсуждали подробности ещё одного теракта, вероятно, того, о котором Ропотову говорила утром Лена.

Из разговора парня с девушкой следовало, что вчера ближе к вечеру почти на глазах этого парня произошло нападение на военную колонну в районе парка Сокольники, где он в тот момент был со своим другом. На этот раз никаких взрывов не было, зато по проезжавшим машинам с военными стреляли из автоматов. Одна машина, вероятно, потому, что её водителя убили или ранили, съехала с дороги и врезалась в столб освещения. От удара она перевернулась в кювет. Пострадавших и пытавшихся покинуть кузов солдат расстреливали из леса. Очевидно, что в лесу, который перерезал Ростокинский проезд, со стороны Лосиногостровского острова колонну поджидала засада. Удалось ли задержать или уничтожить нападавших, ребята не знали, потому что они сразу же, при первых выстрелах убежали оттуда. Парень говорил, что они чудом остались целы, и что пули свистели у них над головами.

– Зачем же вас с друзьями понесло в такой-то мороз в лес? – не выдержал тут Ропотов и вмешался в разговор.

Парень, ему было лет восемнадцать, обернулся, оценивающе оглядел Ропотова с головы до ног и, в свою очередь, спросил того:

– А Вам чего до этого, Вы что, из полиции?

– Нет. Не из полиции. Интересно просто стало, не придумал ли ты это всё? – с ухмылкой произнёс Ропотов.

– Ну да, придумал! Что мне, больше делать, что ли, нечего? – возмутился парень. – У моего друга девушка там учится, на инязе, в Ростокино. Ходили с ним вместе её встречать. Заодно погуляли там... Чуть не нагуляли приключений на свою жопу, – здесь они оба: и парень, и девушка взорвались дружным смехом. Ропотову же явно было не до смеха.

Оплатив продукты на кассе, Алексей вышел из магазина и направился в сторону дома. Огляделся на всякий случай по сторонам, нет ли какой опасности. Тревожные мысли не покидали его всю дорогу.

«Вот тебе и ещё одно подтверждение слов, что произносил тот человек без маски из Интернета, – думал он, – понятно тогда, почему расстреляли «жигули» кавказца, есть у военных повод, значит, бояться всего вокруг».

«Как же холодно на улице!» – подумал Ропотов, поднимая свободной рукой воротник куртки, и тут же ускорил шаг.

Неожиданно для себя он услышал какой-то шум и увидел оживление впереди на пути. Это были крики нескольких взрослых мужчин и одного явно подростка. Ропотов сбавил скорость. Приглядевшись, он увидел, как ему навстречу трое полицейских тащат молодого мальчишку, без шапки и с оголённым животом, а тот упирается и что-то им дерзко высказывает, срываясь на крик. Четвертый полицейский, очевидно офицер, шёл впереди этой группы, держа в руке лёгкий на вид рюкзак, видимо, этого самого задержанного парня. Из полукруглого рюкзака раздавалось побрякивание пустых металлических банок. Поравнявшись с остановившимся в недоумении Ропотовым, он, нисколько не обращая на того внимания, развернулся и, остановившись, громко сказал парню:

– Сейчас ты нам быстро расскажешь, кто тебя надоумил на стенах писать гадость, и кто твои дружки.

Парень, который тоже остановился, вернее, остановились те трое, что его тащили, в ответ заголозил:

– Я ничего не знаю и ничего вам не скажу.

По лицу его текли слёзы, под носом была размазана кровь, а уголок рта, тоже в крови, медленно синел и опухал, видимо, после полученной зуботычины. Обе ладони парня, особенно правая, были выпачканы чёрной краской.

– Скажешь, скажешь, как миленький. Не такие говорили, – явно раздраженный и весь мокрый, сначала от преследования, а потом от возни с задержанным, сказал офицер. – Чуть руку о тебя не сломал, гадёныш.

С этими словами офицер стал внимательно разглядывать свой кулак, поворачивая его в разные стороны.

– А Вы что уставились? – вдруг обратился он к Ропотову.

– Я? Ничего, – произнес опешивший Ропотов, – а что он сделал, этот парень? – показал Алексей головой и взглядом на задержанного.

– Что-что сделал? – тут офицер посмотрел снова на свой кулак, зубы его при этом заскрежетали. – Портил общественное имущество, сопротивлялся при задержании, вот что. Проходите, давайте... Или, может, у Вас есть, что сказать по этому случаю? – посмотрел, судя по его погонам, старший лейтенант на Алексея, прищурясь.

– Да, нет, собственно, нечего сказать, – Ропотов перевёл взгляд от глаз лейтенанта себе под ноги и потихоньку начал движение, куда и шёл.

– Это не я! Отпустите! – закричал истошно парень.

– Веди его! – приказал подчинённым старший лейтенант.

Группа полицейских и парень продолжили путь к подъехавшей и остановившейся неподалёку полицейской машине. При виде машины парень стал ещё больше упираться и пытаться вырвать руки из цепких объятий стражей порядка. К месту шума стал стекаться народ. Люди, не понимая, что случилось, и откуда крики, выясняли друг у друга, что там, кто этот парень и что он натворил.

– Парень этот на стене краской писал, а полиция его поймала, – ответил Ропотов какой-то полуслепой бабушке, когда та цепко схватила его за руку со словами: «Что там, мил-человек, деиться-то?»

– Во, прально, буить знать теперичи, как озорничать, паршивец эдакий, – убежденная в своей правоте, закивала бабушка, отпуская руку Ропотова.

Ропотов ещё раз повернулся, чтобы посмотреть, как парня запикивают в машину, и в этот самый момент парень сумел вырвать одну руку, развернулся к людям и, не в силах вырвать вторую, поднял свободную и зажатую в кулак руку вверх и, что было силы, прокричал: «Россия снова станет...»

Слово «свободной» – Ропотов догадался – парень уже не смог громко выкрикнуть, потому что его голову и туловище полицейские затолкали в машину. Старший лейтенант, следуя за своей командой, обернулся и крикнул в толпу: «Расходись! Никаких собраний у меня!» Встревоженные люди поспешно принялись расходиться, продолжая вполголоса обсуждать случившееся только что на их глазах.

«Вот оно что означает, это «РССС»: «Россия снова станет свободной», – подумал Ропотов, – та самая боевая кричалка людей из ролика. Получается, и этот парень был из сочувствующих штабу спасения и его боевикам. И ходил прямо здесь, возле нашего дома! Немыслимо!»

Когда он зашёл в подъезд, то обнаружил, что лифт не работал. Постояв недолго, понажимав несколько раз на погасшую кнопку вызова, негромко выругавшись, Ропотов пошёл вверх по лестнице.

«Хорошо ещё, что мы живём на третьем этаже», – успокаивал себя Алексей.

На лестничной площадке уже стояла Лена, недоуменно смотрящая то на свой, то на соседские электрические счётчики в общем электрощитке:

– Представляешь, света нет, и, похоже, не только у нас одних.

– То-то я смотрю, лифт не работает, – заметил Алексей.

– Надеюсь, скоро дадут. Если через полчаса не дадут, буду звонить в ЖЭК или «Мосэнерго», – с видом бывалой домохозяйки произнесла обеспокоенная Лена.

Они оба вошли в квартиру. Слышно было, как другие жильцы подъезда на верхних и нижних этажах также выходят из своих квартир и пытаются понять, что приключилось со светом.

Лена дозвонилась до «Мосэнергосбыта» только через час. Электричества в доме по-прежнему не было. Ей сказали, что в сети перебои, обесточено несколько объектов в их районе, и что они пытаются перевести всех на резервную линию. «Не беспокойтесь, скоро всё восстановим. Будет у вас сегодня свет», – постаралась обнадежить Лёну явно уже уставшая делать это за сегодня женщина-диспетчер. Лёна немного успокоилась.

Ещё через час свет наконец дали. Все в квартире Ропотовых были несказанно этому рады. Алексей первым делом включил телевизор, надеясь уже наконец снять для себя все мучившие его последние несколько часов вопросы, главным из которых был: «Что же всё-таки происходит в городе?»

Глава XI

По телевизору выступал Президент. Лицо этого уже почти лысого, стареющего, но всё ещё отчаянно молодящегося человека было чрезвычайно обеспокоенным, и это беспокойство отразилось на его речи: несколько раз он запнулся, не в силах совладать с волнением.

Президент говорил о том, что безответственные силы хотят развязать в стране гражданскую войну – именно сейчас, когда всё стало налаживаться, устраиваться:

«Фашиствующие молодчики, националисты и уголовники, антисемиты и гомофобы, социопаты и ксенофобы всех мастей, объединившиеся между собой, и, прикрываясь лозунгами патриотизма, справедливости, народности, а также призывами защиты всего русского от всего чуждого и знаменами мнимого спасения и возрождения России навязывают нам, нашему обществу, всей стране, по сути дела, страшную братоубийственную кровопролитную войну. Их истинной целью, на самом деле, является банальная жажда власти, а методы её достижения хорошо всем известны – это ложь и насилие.

Ведомые своими кураторами из иностранных разведок, из стран, объявивших Россию врагом, исчадием ада, они хотят посеять среди нас страх и ненависть, и на волне разжигаемой ими ксенофобии покорить волю народа, снова принудить всех к поклонению ложным идеям и кровавым идолам. Покорить волю, которая неоднократно выражалась в поддержке выбранного тридцать лет назад пути – пути, выстраданного миллионами наших предков, замученных и уничтоженных в застенках тюрем и лагерей ГУЛАГа, пути к свободе и процветанию: страны, общества, каждой отдельной личности.

Эти, с позволения сказать, патриоты, а правильнее их называть «псевдопатриоты», – хотят навязать нам своё искривленное представление о добре и зле. Белое они называют чёрным, а чёрное – белым. Путём прямого обмана они хотят свергнуть страну в пучину лихолетья, новой смуты, после которой уже не будет ни самой страны, ни её народа. Они раскручивают и толкают новое красное огненное колесо, которое в результате не пощадит никого из нас, и тем, кто выживет, оно перережет жизнь на до и после, заставив их пожалеть о том, что они выжили.

Люди, устроившие вчера кровавую бойню с взрывами в центре нашей страны, в Москве, в результате чего есть погибшие и раненые, люди, развязавшие террор, переступившие черту и растоптавшие выбор народа, – о каком счастье они могут говорить, какую правду они могут нести? Какую свободу провозглашают? Свободу убивать? Свободу казнить без суда и следствия?

Но они жестоко просчитались. Такая, с позволения сказать, свобода нашему народу не нужна! Наш многонациональный и многострадальный народ не обмануть, не провести на мякине. Они хотели убить меня, но у них ничего не получилось, потому что никогда не получится. Потому что можно убить одного человека, но нельзя убить всех, нельзя отнять у народа выстраданную им настоящую свободу. Свободу, доставшуюся в борьбе.

И ещё. Пока все негодяи и убийцы не будут уничтожены или обезврежены, пока существует опасность для наших мирных граждан, в Москве будет действовать военное положение

и комендантский час. Собрания и митинги временно запрещены. Прошу москвичей и гостей столицы отнестись к этому со всем пониманием и с полной серьёзностью. Но уже совсем скоро мы все снова вернемся к привычной мирной жизни, обращенной в наше счастливое будущее.

А тёмное прошлое уже никогда не вернуть. Возврата к нему больше нет! Тоталитаризм не пройдет! Насилие над личностью не пройдет! ГУЛАГ не пройдет!»

Президент закончил своё обращение. Алексей, внимательно слушая его, постепенно проникался, наполнялся верой в произносимые слова; а под конец выступления даже стал одобрительно кивать головой, такой большою была сила убеждения бессменного национального лидера. Так умело находил он нужные слова и вовремя делал паузы, так правильно расставлял ударения, принимал позы, выбирал наклоны головы и положения рук, избегая лишних движений и жестов. Лучше, проникновеннее Президента говорить с экрана в стране в это время не умел никто. И глядя в его глаза, казалось, что можно заглянуть через них в самую его душу, такую чистую и непорочную, абсолютную.

– Ну, вот, он жив и невредим, слава Богу! – воскликнула Лена с первыми же словами Президента.

– Подожди... дай послушать, – перебил её тогда же ещё Ропотов.

Когда трансляция закончилась, Ропотов выключил телевизор и, воодушевленный услышанным, предложил жене: «А не выпить ли нам по рюмашке за такое дело?» Лена, улыбнувшись, пошла на кухню. Через пять минут они уже вместе скромно отмечали радость восстановления пошатнувшегося было порядка в стране.

Мороз на улице заставил Ропотовых до конца дня остаться дома, да и продолжающееся военное положение походам на улицу никак не способствовало. Так и провели они остаток этого неожиданного для всех выходного дня дома за просмотром телевизора да веселыми играми. Так хорошо всем четверым им давно не было. Вот уж поистине: не было счастья, да несчастье помогло.

Глава XII

Сознание постепенно покидало его. Рана на бедре продолжала кровоточить, хотя он, как мог, обработал её. Бинт был весь пропитан кровью, от чего раненая нога лежала в липкой, постепенно разрастающейся луже. От неё, подгоняемый ветром, тонкими струйками исходил пар. Рана была слишком большая, её нужно было зашивать, но кроме него некому это было сделать; сам же он решил для себя, что это пустая трата времени. Пуля прошла навылет, не задев кости, но это уже его не спасёт: сдаваться он не собирался.

Рядом с рукой лежала граната, которую он оставил напоследок. Чуть поодаль – пустые автомат и два рожка. Патроны в пистолете тоже закончились. Он взял в левую руку гранату, прижал к груди, указательным пальцем правой руки сжал покрепче кольцо.

«Троих или четверых из своего «Лебеда» я положил, троих – это точно. Итого на пятнадцать выстрелов три двухсотых и один трехсотый или даже четыре двухсотых. Неплохо, майор», – подбадривал он себя.

Леденящий ветер из пустых оконных проёмов здания притуплял боль в ноге, но из-за этого собачьего холода своих пальцев рук и ног он тоже почти не чувствовал. Вокруг была тишина. Для него она уже не была зловещей. Наоборот, эту тишину он воспринял как подарок. Последний в его жизни. Пусть лучше её бояться те, кто совсем скоро войдет сюда за ним в надежде взять живым и выполнить приказ своих командиров. Они думают, наверное, что «дело в шляпе», возьмут его «тёпленьким», а в крайнем случае добьют, когда он будет отстреливаться.

«Ничего у вас не выйдет, ребята. Русские не сдаются», – прошептал он вслух, хотя никого кроме него в этом полуразрушенном помещении не было. Кривая улыбка проступила на его

грязном от земли и копоти лице. Он попытался сплюнуть в сторону от себя, но у него не вышло: во рту совсем пересохло. Глаза сами собой закрылись. Он уронил подбородок на грудь, голова пошла на бок, он тут же поймал, выровнял её и раскрыл пошире глаза: «Не спать!»

О чём может думать обреченный, точнее, обрекший сам себя на смерть человек в отведенные ему последние минуты жизни? О надежде? Нет. Надежды он лишил себя сам, когда твёрдо решил больше не жить. А реши он по-другому, и, кто знает, что тогда будет с ним дальше.

Сейчас его схватят, скорее всего, будут бить, пытать, срывать на нём злобу, мстить за страх и за боль потери боевых товарищей. Потом бросят в застенок, снова будут бить, снова пытать. Потом камера, допросы, камера, допросы, опять изматывающие допросы, табачный дым, свет в лицо, повторяющиеся раз за разом вопросы. Потом суд, слёзы жены, слёзы матерей и жён погибших по его вине людей, проклятья в его адрес, позор для детей, обзывания и зуботычины в школе. Потом пожизненное и могила с номером.

Но зато так он останется жив. Жив, жив, жив!

А, может, и наоборот: сейчас боль и страдания, а потом – всеобщее признание того, что он – герой, убивший тирана, Давид, поразивший Голиафа. Сначала свобода, а потом почёт и слава – на многие годы они ему в этом случае обеспечены. Хорошая работа и большая пенсия. Очевидно, его изберут депутатом или сенатором, может быть, даже назначат министром обороны или его первым заместителем, а может, даже и генеральным прокурором. То-то он отыграется. Его дети и внуки получают вкусные должности, будут обеспечены до конца жизни, а самого его, новопреставившегося национального героя, под звуки выстрелов похоронят на Новодевичьем кладбище или на Мытищинском пантеоне, и сотни благодарных граждан возложат охапками цветы на его могилу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.